

ISSN: 2949-284X

IP: ТЕОРИЯ

Сетевой
научный журнал

И ПРАКТИКА

№ 3 (15). 2026

Идания

**ФГБОУ ВО Российской государственной академии интеллектуальной
собственности**

Журнал ВАК

«Копирайт»

Журнал РГАИС

«Альманах»

Журнал РГАИС

**«Государственное
управление и
политика»**

**Издательский дом
РГАИС**

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Груздев В.В.</i> Юридическая невозможность исполнения обязательства	3 - 17
<i>Матвеев Р.В.</i> Правовые основы практического применения изобретений, созданных при исполнении государственных контрактов	18 - 31
<i>Воробьева А.А.</i> Сравнительно-правовой анализ статуса субъектов аудиовизуального произведения в России и зарубежных государствах	32 - 41
<i>Григорьев К.О.</i> Медиация в сфере защиты интеллектуальных прав: постановка научной проблемы	42 - 63

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

<i>Головина А.Г., Лысков А.А.</i> Противопожарная техника: инновации XXI века на примерах запатентованных в Российской Федерации изобретений и полезных моделей	64 – 81
<i>Сергеева Н.Ю., Урбах М.В.</i> Распоряжение правами на средства индивидуализации в контексте договора коммерческой концессии	82 - 99
<i>Чернояров В.А.</i> Охрана программ для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности: постановка научной проблемы	100 - 116

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

<i>Сиротюк В.О.</i> Современные информационные технологии и системы цифровизации управления интеллектуальной собственностью	117 - 134
---	-----------

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ.

Рецензия на книгу О.В. Ревинского «Как подать заявку на получение патента»	135 – 137
--	-----------

ЧАСТНО ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 347.41

DOI: <https://doi.org/10.68333/2949-284X.2026.15.3.001>

Юридическая невозможность исполнения обязательства

Владислав Викторович Груздев,

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Профессор кафедры гражданского и предпринимательского права,

доктор юридических наук, доцент

gruzvlad@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4236-8140>

Аннотация. Статья посвящена исследованию юридической невозможности исполнения как основания для прекращения обязательства. Юридическая невозможность исполнения возникает вследствие издания нормативного или ненормативного правового акта. Она всецело определяется властными предписаниями, что обуславливает специфику и самобытность данного основания динамики обязательственной связи. Рассматриваются вопросы толкования норм статьи 417 Гражданского кодекса Российской Федерации и приводятся аргументы в пользу целесообразности сохранения института юридической невозможности исполнения.

Ключевые слова: обязательство, прекращение обязательства, невозможность исполнения обязательства, юридическая невозможность прекращения обязательства.

Для цитирования: Груздев В.В. Юридическая невозможность исполнения обязательства // IP: теория и практика. – 2026. – № 3.

Original article

Legal impossibility of fulfilling the obligation

Vladislav V. Gruzdev,

Russian State Academy

of Intellectual Property, Moscow, Russia
Professor of the Department of Civil and Business Law,
Doctor of Law, docent
gruzvlad@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4236-8140>

Abstract. The article is devoted to the study of the legal impossibility of fulfilling an obligation as a ground for terminating an obligation. Legal impossibility of fulfillment arises as a result of the issuance of a regulatory or non-regulatory legal act. It is entirely determined by authoritative orders, which determines the specificity and uniqueness of this ground for the dynamics of the obligatory relationship. The article examines the issues of interpreting the provisions of Article 417 of the Civil Code of the Russian Federation and presents arguments in favor of preserving it.

Key words: obligation; termination of an obligation; impossibility of fulfilling an obligation; legal impossibility of terminating an obligation.

For citation: Gruzdev V.V. Legal impossibility of fulfilling the obligation // IP: theory and practice. 2026. No. 3.

Введение

На динамику обязательственной связи зачастую влияют разного рода привходящие обстоятельства, зависящие или не зависящие от ее сторон. Особо ощутимы явления правового характера, которые делают невозможным исполнение обязательства полностью или в части.

В цивилистической науке высказано мнение о ненужности конструкции юридической невозможности исполнения, обоснованное отсутствием зарубежных аналогов и критикой идеи о ретроактивном восстановлении прекращенного обязательства. Всегда существует вероятность отмены правового акта, поэтому юридическая невозможность исполнения не является бесповоротной. Следует выделять «фактическую невозможность в силу юридических причин», что станет одним из аргументов в пользу того, чтобы считать излишней дифференциацию правового регулирования фактической и юридической невозможности исполнения в российском праве [1; 2; 3].

Более мягкий подход предлагают авторы, наделяющие правила ст. 417 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) характером специальных по отношению к общим положениям ст. 416 того же Кодекса [4].

Известным отголоском подобных теоретических взглядов выступает обнаруживаемая в судебной практике тактика игнорирования норм ст. 417 ГК РФ. В частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» данная статья упоминается лишь дважды – в наименовании раздела, посвященного собственно невозможности исполнения, и п. 38, содержащем интерпретационные правила о временной невозможности исполнения, вызванной действием обстоятельств непреодолимой силы.

Вместе с тем многие ученые рассматривают юридическую невозможность исполнения в качестве отдельного (самостоятельного) случая невозможности исполнения. Юридическая невозможность, в отличие от фактической, наступает в результате издания акта государственного органа или органа местного самоуправления [5].

Методы

В процессе исследования применялись методы: общенаучные (анализ, синтез, абстрагирования, логический, восхождения от абстрактного к конкретному, аналогия, индукция, дедукция), специально-юридические (формально-юридический, толкования правовых норм, структурно-функциональный).

Основное исследование

Ученому не следует забывать о неоспоримой презумпции разумности законодателя, который определенно разделяет ситуации фактической и юридической невозможности исполнения. Некая «фактическая

невозможность в силу юридических причин» видится силой, способной подорвать самую архитектуру норм сопоставляемых статей ГК РФ.

Юридическая причина, в отличие от физического препятствия, находится в области идеального. Она создается предписаниями публичного органа, который, как правило, не является участником соответствующего обязательства. Установление невозможности исполнения, наступившей вследствие юридической причины, предполагает правовую оценку властных актов на предмет их действительности и определение специальных последствий невозможности исполнения, вызванной не выдержавшими такую проверку актами. Отрицать означенную специфику юридической невозможности исполнения, значит, пытаться выдавать желаемое за действительное.

Разграничение фактической и юридической невозможности исполнения, на самом деле представляющее в некоторых случаях трудности, следует производить исходя из следующих соображений.

Если властный (как правило, правоприменительный) акт, препятствующий исполнению обязательства, издается в ответ на неправомерные действия стороны обязательства, невозможность исполнения *предполагается* фактической, поскольку в конечном счете вызвана обстоятельством, за которое отвечает данная сторона. Акт государственного органа или органа местного самоуправления всего лишь фиксирует, оформляет в установленном порядке это обстоятельство. Указанное предположение оказывается *опровергнутым*, если акт признан недействительным, в том числе как установивший чрезмерно суровую санкцию (например, административное приостановление деятельности вместо административного штрафа). В ином случае имеет место юридическая невозможность исполнения, вызванная непосредственно властным органом.

Не должна сбивать с толку закрепленная в п. 2 ст. 417 ГК РФ фраза «обязательство не считается прекращенным». Она коррелирует с правилом п. 1 ст. 416 ГК РФ, из которого а contrario следует, что сторона, которая отвечает

за обстоятельство, вызвавшее невозможность исполнения, принимает на себя неблагоприятные последствия прекращения обязательства, определяемые с учетом условий данного обязательства (лишь в *этом* смысле обязательство не признается прекращенным, иначе не было бы перманентной невозможности исполнения).

Как видно, специальной нормой о фактической невозможности исполнения является только п. 2 ст. 417 ГК РФ, рассчитанный на случаи, когда невозможность исполнения создана неправомерными действиями должника, повлекшими издание *законного* акта государственного органа или органа местного самоуправления. Если исполнению обязательства препятствует *незаконный* (признанный недействительным или отмененный как противоречащий закону) акт, хотя бы изданный в качестве реакции власти на неправомерные действия должника или кредитора, тогда речь идет о юридической невозможности исполнения, последствия которой определяются правилами пп. 1 и 3 ст. 417 ГК РФ. Юридическая невозможность исполнения имеет место и при издании органом публично-правового образования, участвующего в обязательстве, законного или незаконного акта, которым не фиксируются совершенные до принятия такого акта неправомерные действия стороны (в том числе, самого публично-правового образования), т.к. в этом случае соответствующий орган реализует дискреционные полномочия, а не права и обязанности субъекта цивилистической отрасли.

Ошибочными являются аргументы на тему нелепости «воскрешения» прекращенного обязательства в соответствии с п. 3 ст. 417 ГК РФ. На самом деле нельзя полностью исключать того, что вызвавший юридическую невозможность исполнения акт государственного органа или органа местного самоуправления будет признан недействительным либо отменен, и исполнение обязательства станет возможным [6]. Однако наличие вероятности прекращения юридической невозможности отнюдь не означает, что такая вероятность непременно превратится в действительность. В рассматриваемом случае требуется официальная констатация утраты правовым актом его силы.

Только тогда устраняется препятствие к исполнению, и юридическая невозможность исполнения *презюмируется* временной, т.е. лишенной способности прекращать обязательство. Но поскольку в течение определенного периода невозможность исполнения все же сохранялась, данная презумпция оказывается *опровергнутой*, если из существа обязательства следует, что его дальнейшее действие утратило всякий смысл. Никакого «воскрешения» правоотношения нет, т.к. оно либо вовсе не «умирало» (если уж использовать метафоры и аллегории, то нужно говорить о «пробуждении заснувшего» обязательства), либо «умерло» окончательно.

Таким образом, понятие юридической невозможности исполнения является важным завоеванием отечественной цивилистики, отказ от которого стал бы верхом безрассудства. Однако особой разновидностью фактической невозможности является предусмотренная п. 2 ст. 417 ГК РФ ситуация, когда издание законного акта органа государственной власти или органа местного самоуправления, повлекшее невозможность исполнения обязательства, вызвано неправомерным поведением самого должника. Характер невозможности исполнения (фактическая или юридическая) определяется не местом соответствующих норм в ГК РФ (ст. 416 или 417), а сутью, обусловившей ее причины.

В цивилистической науке высказано суждение, что в ст. 417 ГК РФ имеются в виду только ненормативные правовые акты, посредством которых уполномоченные органы исполняют возложенные на них законом обязанности. Нормативные акты устанавливают общие правила поведения, являющиеся предпосылкой, а не основанием движения правоотношения [7].

Данное суждение представляется ошибочным как основанное на смешении понятий «действие права» и «конкретизация права».

То, что ненормативный акт представляет собой юридический факт, а нормативный – нет, совершенно irrelevantно в аспекте рассматриваемой невозможности исполнения. Разница обнаруживается лишь в круге охватываемых правовыми актами обязательств: если ненормативный акт

препятствует исполнению *отдельных* обязательств, на которые распространяется его сила (конкретизирует право ненормативный правовой акт), то нормативный акт делает невозможным исполнение *всех* обязательств, подпадающих под действие правил поведения общего характера (конкретизирует право само наличие обязательства). Не случайно практике имущественного оборота знакомо огромное число примеров, когда невозможность исполнения наступает в результате издания нормативных правовых актов, тем или иным образом препятствующих реализации обязательственных связей (изъятие из оборота вещей; принятие запретительных мер ввиду террористических, стихийных, экологических и иных опасностей; введение эмбарго, импортных или экспортных, санитарных ограничений, законодательных запретов на осуществление той или иной деятельности; ограничение ввоза в страну сельскохозяйственной продукции животного происхождения с целью недопущения распространения болезни при эпизоотии и др.).

Следовательно, как основание прекращения обязательства выступает не правовой акт, а возникшее в результате его издания непреодолимое препятствие к исполнению. Невозможность исполнения обязательства – это самостоятельный юридический факт, который является следствием разнообразных обстоятельств, в том числе вступления в силу ненормативного или нормативного правового акта (юридическая невозможность исполнения). Сделанные выводы подтверждаются и соображениями формального толка: в п. 1 ст. 417 ГК РФ содержится отсылка к ст. 13 ГК РФ, упоминающей как о ненормативных, так и нормативных актах.

Кроме того, к правовым актам, в результате издания которых становится невозможным исполнение обязательств, разумно относить не только акты собственно органов государственной власти или местного самоуправления, но и наделенных соответствующими полномочиями должностных лиц указанных органов (например, судебного пристава-исполнителя), что вытекает из

системного толкования положений ст. 12, 13, п. 1 ст. 417, ст. 1069 и 1070 ГК РФ.

Юридическая невозможность прекращает или изменяет («прекращает в части») обязательственное правоотношение. При этом риски распределяются с учетом того, что *субъективной* признается юридическая невозможность, возникшая вследствие издания незаконного акта, за который отвечает публично-правовое образование; в остальных случаях юридическая невозможность является *объективной* и никому не вменяется (в том числе публично-правовому образованию, орган или должностное лицо которого издали акт).

Независимо от того, о какой юридической невозможности исполнения идет речь (объективной или субъективной), риск *неполучения имущественного предоставления* распределяется между сторонами с учетом следующих соображений: 1) в отсутствие специальных норм рискует в одностороннем обязательстве кредитор, который не получает причитающегося ему от должника имущественного предоставления, а в синаллагматическом обязательстве – должник, который обязан был совершить ставшее невозможным имущественное предоставление; 2) сторона обязана возместить другой стороне имущественные потери, когда это вытекает из предусмотренного ст. 406.1 ГК РФ соглашения. Однако при субъективной невозможности исполнения *риск неблагоприятных последствий* перекладывается на публично-правовое образование, которое отвечает за изданный его органом или должностным лицом незаконный акт, а именно: сторонам возмещаются убытки (включая суммы неполученного соответствующей стороной имущественного предоставления и (или) возмещенных ею имущественных потерь), которые причинены нежелательной динамикой обязательства.

Принимая во внимание изложенное, нельзя согласиться с тем, что юридическая невозможность возникает в связи с изданием обязательных к исполнению актов наднациональных объединений, юрисдикция которых

признается в российском праве [1], или даже актов органов власти иностранного государства, делающих невозможным для контрагента-нерезидента исполнение обязательства по законодательству своей страны [8]. В подобных случаях вменение неблагоприятных последствий движения обязательственной связи наделенному полномочиями субъекту исключается, что делает бессмысленным реализацию правил п. 1 и 3 ст. 417 ГК РФ. Юридическая невозможность исполнения будет наблюдаться лишь в ситуации, когда к отношениям сторон подлежит применению право страны, которое содержит нормы, аналогичные указанным отечественным правилам. Иначе в свете положений ст. 416 и п. 2 ст. 417 ГК РФ должен обсуждаться вопрос о фактической невозможности исполнения.

Нередко при юридической невозможности исполнения фактическая возможность исполнения сохраняется. Несмотря на это, обязательство по общему правилу должно признаваться прекращенным или измененным.

В силу абз. 13 ст. 12 ГК РФ одним из способов защиты гражданских прав является неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону. По смыслу данной нормы противоречащий закону акт государственного органа или органа местного самоуправления независимо от признания этого акта недействительным не применяется *только* судом при рассмотрении споров, связанных с защитой гражданских прав (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Следовательно, даже при очевидном противоречии закону акта, создающего постоянную юридическую невозможность исполнения, обязательство прекращается, поскольку от должника, лишённого права давать компетентную правовую оценку такому акту, нельзя требовать совершения действий вопреки властным предписаниям. Однако если изданию акта способствовало неправомерное поведение стороны (в частности, при коррупции), обязательство не прекращается при сохранении фактической

возможности исполнения или прекращается фактической невозможностью исполнения, вызванной обстоятельством, за которое отвечает данная сторона.

Юридическая невозможность исполнения отпадает лишь после признания недействительным либо отмены в *установленном* порядке акта органа государственной власти или органа местного самоуправления (п. 3 ст. 417 ГК РФ). И если обязательство *не признается* прекращенным ввиду недействительности или отмены соответствующего акта как противоречащего законодательству, то с публично-правового образования в пользу сторон взыскиваются лишь те убытки, которые причинены временной невозможностью исполнения. Когда акт же отменен по иным основаниям, убытки взысканию не подлежат вовсе.

Рассуждения на тему «воскрешения» или заменяющей его «фикции непрекращения» [9; 10] обязательства совершенно неуместны, поскольку в п. 3 ст. 417 ГК РФ речь идет о выявлении временного или окончательного характера юридической невозможности исполнения, которая наступила в результате издания акта, утратившего через некоторое время силу. Для этого вводится презумпция временной невозможности исполнения. Указанная презумпция оказывается опровергнутой, если из существа обязательства следует, что исполнение исходя из условий и цели обязательства явно утратило для сторон всякий смысл. В этом случае юридическая невозможность исполнения считается постоянной и прекратившей обязательство в момент ее наступления (издания акта органа государственной власти или органа местного самоуправления).

Кроме того, несмотря на не опровергнутую презумпцию временной юридической невозможности исполнения стороны вправе своим соглашением прекратить обязательство с любой даты, в том числе ретроспективно – с момента наступления такой невозможности. В аналогичной ситуации кредитор вправе отказаться в разумный срок от обязательства, но только при просрочке исполнения или очевидной невозможности своевременного исполнения, причем обязательство считается прекращенным с момента

получения должником соответствующего уведомления кредитора. При отсутствии указанных соглашения сторон и отказа кредитора обязательство сохраняется.

Во всех случаях, когда обязательство в соответствии с п. 3 ст. 417 ГК РФ не признается прекращенным, требуется определить последствия временной юридической невозможности исполнения.

Признание недействительным или отмена как противоречащего законодательству акта до наступления срока исполнения обязательства наделяет стороны правом требовать от соответствующего публично-правового образования возмещения убытков, причиненных временной невозможностью исполнения в период между изданием акта и утраты им силы.

В случае признания недействительным или отмены как противоречащего законодательству акта после наступления срока исполнения обязательства обе стороны вправе требовать от соответствующего публично-правового образования возмещения убытков, причиненных юридической невозможностью исполнения в период между изданием акта и наступлением срока исполнения обязательства (если акт издан до наступления срока исполнения обязательства), а также убытков, причиненных просрочкой исполнения в период между наступлением срока исполнения обязательства и утратой актом силы (если акт издан до наступления срока исполнения обязательства) или в период между изданием акта и утратой им силы (если акт издан после наступления срока исполнения обязательства).

Специфична ситуация, когда публично-правовое образование является стороной обязательства и одновременно отвечает за орган, который издал акт, вызвавший временную невозможность исполнения данного обязательства. В этой ситуации потерпевшая сторона имеет право на возмещение публично-правовым образованием убытков, причиненных как юридической невозможностью исполнения, так и просрочкой исполнения.

В остальных случаях сторона освобождается по основаниям, предусмотренным законом (ст. 401, 405, 406 ГК РФ) либо договором, от

возмещения убытков или уплаты другой стороне неустойки и иных санкций, связанных с просрочкой исполнения, имевшей место в период действия акта. Течение срока исковой давности по требованиям сторон друг к другу логично определять по аналогии закона применительно к подп. 1 и 3 п. 1 ст. 202 ГК РФ. В частности, вследствие издания акта, создающего временную невозможность исполнения, уже имеющееся у кредитора право на иск утрачивается на период действия акта, а право на иск, которое должно возникнуть в период действия акта, возникает после утраты им силы. Поэтому начавшийся до издания акта срок исковой давности по «созревшим» требованиям приостанавливается на весь период рассматриваемой невозможности исполнения, а по «созревающим» в данный период требованиям начинает течь со дня утраты актом силы.

Заключение

Принципиально важное в аспекте правоприменительной деятельности деление невозможности исполнения обязательства на фактическую и юридическую является важным завоеванием отечественной цивилистики. Отказ от данного деления означал бы необъяснимый разумными соображениями откат в прошлое, существенно снижающий достигнутый уровень гражданско-правового регулирования соответствующих отношений. Вместо проявления со ссылками на отсутствие зарубежных аналогов нигилизма к российскому законодательству целесообразно детально исследовать данный институт в целях дальнейшего совершенствования всех видов юридической практики.

Список источников

1. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва, 2022. 1126 с.

2. Григорьев В.И. Постоянная (перманентная) юридическая невозможность исполнения в российском праве / В.И. Григорьев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 2. – С. 61–101.
3. Григорьев В.И. Временная юридическая невозможность в российской судебной практике / В.И. Григорьев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 3. – С. 56–98.
4. Эрделевский А.М. Прекращение обязательств невозможностью исполнения / А.М. Эрделевский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 8. – С. 52–53.
5. Андреев В.К. Предпринимательское законодательство России: научные очерки / В.К. Андреев. – Москва: Статут, 2008. – 366 с.
6. Бациев В.В. Практический комментарий отдельных положений главы 26 ГК РФ о прекращении обязательств (за исключением положений о зачете) / В.В. Бациев // Арбитражные споры. – 2007. – № 4. – С. 113–138.
7. Егорова М.А. Правовая природа основания прекращения обязательств / М.А. Егорова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 12. – С. 3–13.
8. Аксенов А.Г. Правовое регулирование международных коммерческих контрактов в условиях экономических санкций / А.Г. Аксенов // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 5. – С. 86–100.
9. Кулаков В.В. Обязательственное право: учебное пособие / В.В. Кулаков. – Москва: РГУП, 2016. – 188 с.
10. Громов С.А. Восстановление обязательств; Свобода договора: сборник статей / С.А. Громов / Отв. ред. М.А. Рожкова. – Москва: Статут, 2016. – С.397 – 418.

References

1. *Ispolnenie i prekrashchenie obyazatel'stva: kommentarii k stat'yam 307-328 i 407-419 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii = Fulfillment and termination of obligations: commentary to Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation* / A.G. Karapetov (ed.). Moscow, 2022. 1126 p. (in Russ.).
2. Grigor'ev V.I. Permanent (permanent) legal impossibility of execution in Russian law. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2024. No. 2. Pp. 61–101 (in Russ.).
3. Grigor'ev V.I. Temporary legal impossibility in Russian judicial practice. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2024. No. 3. Pp. 56–98 (in Russ.).

4. Ehrdelevskii A.M. Termination of obligations by impossibility of fulfillment. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* = *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2007. No. 8. Pp. 51–54 (in Russ.).

5. Andreev V.K. *Predprinimatel'skoe zakonodatel'stvo: Nauchnye ocherki* = *Rossii Entrepreneurial Legislation of Russia: Scientific Essays*. Moscow, 2008. 366 p. (in Russ.).

6. Batsiev V.V. Practical Commentary on Certain Provisions of Chapter 26 of the Civil Code of the Russian Federation on the Termination of Obligations (with the Exception of Provisions on Set-Off). *Arbitrazhnye spory* = *Arbitration Disputes*. 2007. No. 4. Pp. 113–138 (in Russ.).

7. Egorova M.A. The legal nature of the grounds for termination of obligations. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* = *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2010. No. 12. Pp. 3–13 (in Russ.).

8. Aksenov A.G. Legal Regulation of International Commercial Contracts in the Context of Economic Sanctions. *Vestnik arbitrazhnoj praktiki* = *Bulletin of arbitration practice*. 2020. No. 5. Pp. 86–100 (in Russ.).

9. Kulakov V.V. *Obyazatel'stvennoe pravo* = *Law of obligations: a textbook*. Moscow, 2016. 188 p. (in Russ.).

10. Gromov S.A. *Vosstanovlenie obyazatel'stv* = *Restoration of obligations; Freedom of contract: collection of articles* / M.A. Rozhkova (ed.). Moscow, 2016. Pp. 397–418 (in Russ.).

Статья поступила 02.09.2026, принята к публикации: 07.09.2026.

© Груздев В.В., 2026

Научная статья

УДК 346.32

DOI: <https://doi.org/10.68333/2949-284X.2026.32.99.002>

Правовые основы практического применения изобретений, созданных при исполнении государственных контрактов

Роман Валерьевич Матвеев,

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Аспирант

asfddh@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0000-3375-6056>

Аннотация. В статье анализируются вопросы практического применения результатов интеллектуальной деятельности, созданных при исполнении государственных контрактов, на примере изобретений. Выявляются противоречия в реализации исключительных прав на использование изобретения по государственному контракту, исходя из содержания имеющихся правовых норм. Сделаны предложения о разработке норм законодательства для урегулирования противоречий в реализации исключительных прав на изобретения, в целях дальнейшего внедрения изобретений. Отмечена необходимость проведения дальнейшего научного исследования.

Ключевые слова: правовые основы, объекты интеллектуальной собственности, изобретения, государственный контракт, бюджетное финансирование, практическое применение.

Для цитирования: Матвеев Р.В. Правовые основы практического применения изобретений, созданных при исполнении государственных контрактов // IP: теория и практика. – 2026. – № 3.

Original article

Legal basis for the practical application of inventions created under government contracts

Roman V. Matveev,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Department of Civil and Business Law, Postgraduate Student,

asfddh@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0000-3375-6056>

Abstract. The article analyzes the practical application of the results of intellectual activity created in the execution of state contracts, using the example of inventions. It identifies the contradictions in the implementation of exclusive rights to use an invention under a state contract, based on the content of existing legal norms. The article makes proposals for the development of legal norms to resolve the contradictions in the implementation of exclusive rights to inventions, in order to further implement them. The article also highlights the need for further scientific research.

Keywords: legal basis, intellectual property objects; inventions; state contract; budget financing, practical application.

For citation: Matveev R.V. Legal basis for the practical application of inventions created under government contracts // IP: theory and practice. 2026. No. 3.

Введение

Практическое применение интеллектуальной собственности, в частности изобретений, играет ключевую роль в научно-техническом развитии общества и государства. Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации в рамках государственных контрактов расходуются значительные объемы денежных средств на разработку научно-технических решений в различных областях.

Вместе с тем механизм практической реализации исключительных прав на разрабатываемые изобретения не может обеспечить необходимую степень эффективности модернизации и развития технологий для поддержания уровня конкурентоспособности продукции отечественных производителей по сравнению с зарубежными аналогами.

Причиной низкого показателя потребности в приобретении российских научных разработок является несовершенство механизма закрепления исключительных прав на изобретения за субъектами гражданско-правовых отношений, а также отсутствие инструментов минимизации технологических

рисков при создании изобретения в сфере исполнения обязательств по бюджетным контрактам.

Настоящая статья посвящена выявлению противоречий между эффективностью практического применения отечественных разработок в хозяйственном обороте и правовом регулировании использования изобретения как объекта исключительных прав.

Методы

Автором применялся комплекс теоретических и эмпирических методов исследования. Методы эмпирического уровня (сравнения) использовались автором для сбора информации в области объема экспорта информационных технологий в процентных показателях от общего экспорта товаров, сравнения различных теоретических взглядов перехода прав на интеллектуальную собственность при выполнении договора, участником которого является государство.

Методы теоретического уровня, в том числе общелогические методы (аналогия, ранжирование, обобщение), применялись для выявления сходства позиций авторов, упорядочивания предложений авторов и разрешения противоречий в сфере практического применения изобретений при осуществлении закупок интеллектуальной собственности за счет бюджетных средств.

Основное исследование

Одной из важнейших задач любого государства является содействие развитию инновациям, создание нового востребованного на рынке продукта, своевременное и полное удовлетворение общественных потребностей в высокотехнологичной продукции отечественного производства.

Потенциальные поставщики, бизнес должны видеть, что государство намерено покупать современную продукцию, и доступ к бюджетному заказу в первую очередь будет открыт тем, кто занимается инновациями. Таким образом, у предпринимателей должна возникнуть заинтересованность в

выпуске и реализации соответствующей продукции [1]. Для наиболее успешного практического применения изобретения, созданного при исполнении государственного контракта необходимы совместные усилия, как частных лиц, так и государства, на основе партнерских отношений.

Как отмечает В.Е. Белов, в экономике рыночного типа особенно велика роль государственного заказа как инструмента государственного регулирования, позволяющего реализовывать государственные и общественные потребности на основе эффективного взаимодействия государства и частного сектора экономики [2].

Пунктом 1 ст. 16.1 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» закреплён принцип поддержки государством инновационной деятельности в целях модернизации российской экономики, обеспечения конкурентоспособности отечественных товаров, работ и услуг на российском и мировом рынках, улучшения качества жизни населения.

Субъекты Российской Федерации также разрабатывают нормативные правовые акты, нацеленные на развитие инноваций.

Например, положения Постановления Правительства Москвы от 19.07.2019 № 899-ПП «О системе закупок города Москвы» обязывают заказчиков города Москвы осуществлять закупки товаров, работ, услуг, при производстве (выполнении, оказании) которых используется инновационная, высокотехнологичная продукция и технологии, при этом предусматривается планирование таких закупок в размере не менее 5% от общего годового объема закупок.

Однако развитие инноваций и внедрение изобретений, созданных по договорам, заключенным с заказчиками, осуществляющими публичные функции в настоящее время, не обеспечивают необходимого уровня эффективности реализации исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД).

Расходы на исследования и разработки в процентах от ВВП в 2021 г. составили: в США – 3,48%, в Японии – 3,28%, в Китае – 2,43%, в России – 0,96%, при этом средний показатель, рассчитанный по 83 странам, составил 1,22%. Число патентных заявок от резидентов в 2021 г. по странам составило: Китай – 1426644, США – 262244, Япония – 222452, Россия – 19569, при средних показателях по 112 странам – 20444 патентные заявки. Экспорт информационных технологий, процент от общего объема экспорта товаров, средний показатель за 2021 г. по 144 странам составил 4,23%, при этом Гонконг – 61,18%, Китай – 25,5%, США – 9,08%, Япония – 8,61%, Россия – 0,52%¹.

Приведенные статистические данные подтверждают, что в России при незначительных отличиях числа поданных патентных заявок относительно среднемирового значения имеется низкий объем экспорта информационных технологий в процентных показателях от общего экспорта товаров и малый расход денежных средств на исследования и разработки, что свидетельствует о небольшой востребованности отечественных разработок на мировом и национальном рынках.

Нормами п. 2 ст. 1358 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закреплены способы использования изобретений: ввоз на территорию России, изготовление, применение, предложение о продаже, продажа, иное введение в гражданский оборот или хранение для этих целей продукта, в котором использованы изобретение или полезная модель, либо изделия, в котором использован промышленный образец.

При этом общими правилами ст. 1373 ГК РФ установлено: право на получение патента и исключительное право на разработку, созданную при выполнении работ по государственному контракту, принадлежат лицу, выполняющему государственный договор (исполнителю) за исключением случаев, установленных положениями ГК РФ.

¹ Официальный сайт TheGlobalEconomy.com. URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/GDP_per_capita_PPP/ (дата обращения: 25.11.2025).

Исключениями из общих норм являются, в том числе, принадлежность исключительных прав на изобретения, непосредственно связанные с обеспечением обороны и безопасности, а также созданные при выполнении государственного контракта за счет бюджетных средств и необходимые для предоставления государственных услуг либо для осуществления публичных функций. В этом случае исключительные права принадлежат соответственно Российской Федерации, субъекту Российской Федерации.

Между тем, учитывая, что расходование бюджетных средств направлено на выполнение государственных функций и предоставление государственных услуг в жизненно важных сферах, передача исключительного права на результат интеллектуальной деятельности исполнителю фактически исключена, что, в свою очередь, является причиной отсутствия заинтересованности частного сектора экономики в создании результатов интеллектуальной деятельности при выполнении договоров на выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд.

Таким образом, недостаточность проработки правовых основ создания практически применимых РИД при исполнении контрактов является решающим фактором, препятствующим созданию и дальнейшему внедрению востребованных на мировом и отечественном рынке технических решений.

Проблема заинтересованности участия коммерческих организаций в создании результатов интеллектуальной деятельности ранее уже являлась предметом рассмотрения в диссертационных работах Р.Е. Бирюлина «Государственно-частное партнерство в научно-технической сфере как фактор инновационного развития страны» (2009), К.М. Жамойдика «Введение в гражданский оборот результатов НИОКР, выполненных по государственному заказу» (2016), Ю.А. Ковалева «Правовая охрана изобретений, созданных при выполнении работ по государственному контракту» (2007), где авторами были сделаны предложения по разрешению сложившейся ситуации.

Р.Е. Бирюлин в своей работе выделяет государственно-частное партнерство (далее – ГЧП), как организационную основу взаимодействия государства, научных организаций и предпринимательства, осуществляемого в рамках национальной инновационной системы, действуя в качестве внутреннего фактора ее развития и возрастания роли ГЧП в ходе развития науки и техники как основного сектора инновационного развития государства [3].

К.М. Жамойдик в диссертационном исследовании на примере исключительных прав на результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ определил меры по применению на практике результатов интеллектуальной деятельности, включая:

- закрепление в законодательстве общего принципа, заключающегося в том, что принадлежащие Российской Федерации исключительные права на создаваемые при выполнении государственных контрактов РИД внедрение которых не было осуществлено государственными заказчиками в течение установленных сроков, подлежат передаче исполнителям (разработчикам) в случае предъявления ими соответствующего требования;

- установление возможности определения в государственных контрактах дополнительных требований к исполнителям, которым принадлежат исключительные права на создаваемые при выполнении таких контрактов РИД, обязывающих исполнителей принимать меры, необходимые для практического использования создаваемых РИД и их введения в хозяйственный оборот, а также для обеспечения защиты прав на создаваемые РИД в Российской Федерации и зарубежных странах в пределах и на условиях, определяемых контрактом. При невыполнении этих требований заказчик вправе требовать передачи ему исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности;

- законодательное закрепление возможности предъявления (по аналогии с Законом Бэя-Доула, США) государственными заказчиками к исполнителям, которым принадлежат исключительные права на РИД, создаваемые при

выполнении НИОКР по государственным контрактам, требований о предоставлении лицензий любым заинтересованным лицам в случае, если правообладатель в течение разумного срока не обеспечивает внедрение таких результатов в хозяйственный оборот либо не осуществляет производство продукции или иное использование таких результатов в объемах, определяемых государственным контрактом, за исключением случаев, когда будет установлено, что использование является экономически неоправданным [4].

Ю.А. Ковалев предложил внести в законодательство правило, что в случае, если патент созданного по государственному контракту изобретения не принадлежит государству или муниципальному образованию, то патентообладатель обязан по требованию заказчика предоставить указанному им лицу или лицам неисключительную, возмездную лицензию на использование данного изобретения, в целях удовлетворения государственных и муниципальных нужд при промышленном применении созданного по государственному контракту изобретения, а при условии не внедрения созданного по контракту изобретения в промышленное производство, патентообладатель обязан предоставить безвозмездную простую (неисключительную) лицензию [5]. Также автор поддерживает возможность использования зарубежного опыта в рассмотрении вопросов распределения прав на изобретения при заключении государственного контракта исходя из положений Закона Бэя-Доула. И хотя, по его мнению, тотальное копирование опыта США невозможно, часть этого опыта в области коммерциализации изобретений, созданных за счет бюджетных средств, может быть использована. Например, внесение имущественных прав на изобретение в уставные капиталы коммерческих организаций [5].

Следует отметить обоснованность предложения Р.Е. Бирюлина по созданию изобретений на условиях государственно-частного партнерства со смешанным финансированием и приоритетным использованием исключительных прав.

Согласимся и с рекомендациями Ю.А. Ковалева, К.М. Жамойдика о закреплении в законодательстве условий использования созданных за счет бюджетных средств исключительных прав, направленных на внедрение результатов интеллектуальной деятельности.

Таким образом, проблемам хозяйственного применения изделий, являющихся результатом исполнения контракта, посвящено немало работ.

Вместе с тем влиянию специальных правовых норм, установленных отдельными федеральными законами, регулирующих создание интеллектуальных достижений, при исполнении обязательств по договорам, заключенным в целях выполнения функций Российской Федерации и ее субъектов, внимания уделялось недостаточно.

Учитывая особенность отношений, связанных с закупками товаров (работ, услуг) государственными учреждениями и заключением соглашений для обеспечения государственных нужд, законодатель урегулировал их нормами, являющимися специальными по отношению к общим положениям гражданского законодательства в виде отдельного Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе).

Положениями Закона о контрактной системе определена твердая цена контракта, которая не может быть (как срок исполнения и другие существенные условия договора) изменена при его исполнении за исключением определенных данным нормативным актом строго ограниченных случаев.

По общим правилам ст. 95 Закона о контрактной системе цена заключенного контракта не может быть повышена более чем на 10% соразмерно дополнительному объему работы или услуги исходя из определенной в договоре стоимости.

Также ст. 95 Закона о контрактной системе предусмотрена возможность внесения изменений при исполнении заключенного на срок не менее одного

года контракта, предметом которого является выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ, цена которого образует или превышает крайний размер стоимости, указанный Правительством, и появились независимые от сторон контракта обстоятельства, влекущие невозможность его исполнения. Установленное данным пунктом изменение производится при наличии письменного обоснования такого изменения на основании решения Правительства Российской Федерации, высшего исполнительного органа субъекта России при реализации закупки для общественных нужд и при условии, что такое изменение не повлечет увеличение срока исполнения контракта и (или) цены контракта более чем на 30%.

Соответственно, нормы Закона о контрактной системе в настоящей редакции не могут обеспечить определенность и уверенность для предпринимателей в успехе разработки изобретения, в связи с отсутствием правовой гибкости увеличения стоимости, срока исполнения и иных необходимых условий контракта по выполнению работ на создание такого сложного объекта закупки, как результаты интеллектуальной деятельности.

Периодически законодатель принимает законы, допускающие изменения любых существенных условий контракта (например, Федеральный закон от 25.12.2023 № 625-ФЗ «О внесении изменений в статью 98 Федерального закона "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации»), однако положения указанных законов устанавливают ограничения возможности внесения изменений в существенные условия контрактов определенным периодом времени (например, до конца текущего года) и условием, что данные изменения могут быть произведены в каждом отдельном случае только на основании решения Правительства Российской Федерации, высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации, в связи с чем фактическое применение норм, позволяющих вносить необходимые

изменения в существенные условия договоров, носит ограниченный и адресный характер под какой-то конкретный случай (например, решение мэра Москвы от 15.02.2024 № 4-13-345/24 об изменении существенных условий контрактов для образовательных учреждений города Москвы в связи с возникновением новых обязательств), и проблему влияния специальных правовых норм на создание РИД при выполнении работ по государственному контракту не разрешает.

Условиями для внедрения в деловой оборот созданного в ходе выполнения государственного договора результата интеллектуальной деятельности (изобретения) являются: компенсирование затрат предпринимателя на разработку в ходе исполнения государственного обязательства, минимизация рисков, возможность получения прибыли.

В большинстве случаев стоимость и сроки разработки результата интеллектуальной деятельности невозможно определить заранее из-за неопределенности процесса разработки, технологических рисков, изменений в рыночной среде и т.д.

Выявленные в Законе о контрактной системе противоречия предлагается устранить путем внесения изменений на примере Положения о государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, утвержденного Постановлением Правительства России от 02.12.2017 № 1465, добавив в ст. 22 Закона о контрактной системе, часть 26 следующего содержания: *«Начальная (максимальная) цена контракта, цена в государственном контракте, цены единиц товара, работы, услуги могут определяться в виде ориентировочной (уточняемой) цены и/или цены, возмещающей издержки. Ориентировочная (уточняемая) цена на товар, работу, услугу или цена, возмещающая издержки, применяется при заключении государственного контракта, если отсутствуют достаточные исходные данные для определения твердой цены»*, а также внесения изменений в часть 2 ст. 34 Закона о контрактной системе изложив ее в следующей редакции: *«При заключении контракта*

устанавливается, что цена контракта является твердой и указывается на весь срок исполнения контракта, а в случае, регламентированном частью 24 статьи 22 настоящего Федерального закона, определяются цены единиц товара, работы, услуги и максимальное значение цены контракта, в случаях, установленных Правительством Российской Федерации, указываются ориентировочное значение цены контракта либо формула цены и максимальное значение цены контракта, а также в случаях, предусмотренных частью 26 статьи 22 настоящего Федерального закона, определяется ориентировочная (уточняемая) начальная (максимальная) цена контракта и/или цена возмещающей издержки, установленные заказчиком в извещении об осуществлении закупки, документации о закупке (в случае, если настоящим Федеральным законом предусмотрена документация о закупке). При заключении и исполнении контракта изменение его существенных условий не допускается, за исключением случаев, указанных в настоящем Федеральном законе. В случае если проектом контракта определены отдельные этапы его исполнения, цена каждого этапа устанавливается в размере, сниженном пропорционально снижению начальной (максимальной) цены контракта участником закупки, с которым заключается контракт».

Возникает вопрос об отсутствии нормативных оснований, необходимых для изменения срока исполнения и других существенных условий контракта, вызванных технологическими рисками при создании изобретения. Для разрешения этого вопроса автором настоящей статьи рекомендуется внести изменение в ст. 95 Закона о контрактной системе, дополнив случаем изменения по соглашению сторон любых существенных условий контракта, предметом которого является выполнение работ по созданию результатов интеллектуальной деятельности.

Таким образом, решение проблемы практического применения изобретений, создаваемых в ходе выполнения обязательств по государственным контрактам, должно носить комплексный характер путем изменений норм ГК РФ (в части принадлежности прав на интеллектуальную

собственность) и нормативной базы, регулируемой специальными нормами Закона о контактной системе.

Заключение

По результатам проведенного анализа разработаны и обоснованы предложения по повышению эффективности практического применения отечественных разработок в хозяйственном обороте. В то же время в настоящей статье рассмотрены лишь отдельные варианты решения проблемы внедрения национальных изобретений в деловой оборот, что явно недостаточно и обуславливает необходимость более комплексного подхода к озвученному вопросу, предполагающему широкие перспективы для дальнейших исследований.

Список источников

1. Белов В.Е. Контрактная система в сфере закупок как инструмент инновационного развития: экономико-правовые аспекты / В.Е. Белов // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – № 1. – С. 5–16.
2. Белов В.Е. Участие Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в отношениях, связанных с государственными заказами: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.Е. Белов. – Москва, 2006. – 28 с.
3. Бирюлин Р.Е. Государственно-частное партнерство в научно-технической сфере как фактор инновационного развития страны: автореф. дисс. канд. экон. наук: 08.00.05 / Р.Е. Бирюлин. – Москва, 2009. – 30 с.
4. Жамойдик К.М. Введение в гражданский оборот результатов НИОКР, выполненных по государственному заказу: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.03 / К.М. Жамойдик. – Москва, 2016. – 27 с.
5. Ковалев Ю.А. Правовая охрана изобретений, созданных при выполнении работ по государственному контракту: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ю.А. Ковалев. – Москва, 2007. – 20 с.

References

1. Belov V.E. Contract System in the Procurement Sphere as a Tool for Innovative Development: Economic and Legal Aspects. *Kopirayt (vestnik Akademii*

intellektual'noy sobstvennosti) = *Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property)*. 2025. No. 1. P. 5–16 (In Russ.).

2. Belov V.E. *Uchastie Rossiyskoy Federatsii i sub"ektov Rossiyskoy Federatsii v otnosheniyakh, svyazannykh s gosudarstvennymi zakazami* = *Participation of the Russian Federation and the Constituent Entities of the Russian Federation in Relations Related to State Orders*: cand. sci. (law) diss. abstract: 12.00.03. Moscow, 2006. 28 p. (In Russ.).

3. Biryulin R.E. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v nauchno-tekhnicheskoy sfere kak faktor innovatsionnogo razvitiya strany* = *Public-Private Partnership in the Scientific and Technical Sphere as a Factor of Innovative Development of the Country*: cand. sci. (econ.) diss. abstract: 08.00.05. Moscow, 2009. 30 p. (In Russ.).

4. Zhamoydik K.M. *Vvedenie v grazhdanskiy oborot rezul'tatov NIOKR, vypolnennykh po gosudarstvennomu zakazu* = *Introduction into Civil Circulation of R&D Results Completed under a State Contract*: cand. sci. (law) diss. abstract: 12.00.03. Moscow, 2016. 27 p. (In Russ.).

5. Kovalev Yu.A. *Pravovaya okhrana izobreteniy, sozdannykh pri vypolnenii rabot po gosudarstvennomu kontraktu* = *Legal Protection of Inventions Created during the Performance of Works under a State Contract*: cand. sci. (law) diss. abstract: 12.00.03. Moscow, 2007. 20 p. (In Russ.).

Статья поступила 17.04.2026, принята к публикации 27.05.2026.

© Матвеев Р.В., 2026

Научная статья
УДК 347.786

DOI: <https://doi.org/10.68333/2949-284X.2026.72.12.003>

**Сравнительно-правовой анализ статуса субъектов
аудиовизуального произведения в России и зарубежных государствах**

Воробьева Анна Андреевна

Российская государственная академия интеллектуальной
собственности, Москва, Россия

Преподаватель кафедры авторского права, смежных прав
и частноправовых дисциплин

Москва, Россия,

e-mail: a.vorobeveva@rgiis.ru

<https://orcid.org/0009-0007-9762-2111>

Аннотация: Статья посвящена вопросам правового регулирования статуса субъектов аудиовизуального произведения в России и зарубежных странах. Основу исследования составляет сравнительно-правовой метод, включающий в себя приемы сопоставления и противопоставления правовых норм национального и зарубежного законодательства, касающихся правового статуса субъектов аудиовизуального произведения.

Ключевые слова: субъект аудиовизуального произведения, двухуровневая система построения авторства, режиссер-постановщик, автор сценария, композитор, являющийся автор музыкального произведения (с текстом или без текста), специально созданного для аудиовизуального произведения, художник-постановщик анимационного (мультипликационного фильма), оператор-постановщик, Бюро по авторским правам США, автор адаптации во Франции.

Для цитирования. Воробьева А.А. Сравнительно-правовой анализ статуса субъектов аудиовизуального произведения в России и зарубежных государствах // IP: теория и практика. – 2026. – № 3.

**Comparative legal analysis of the status of subjects of audiovisual works in
Russia and foreign countries**

Vorobeva Anna Andreevna

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Lecturer in the Department of Copyright, Related Rights and Private Law
Disciplines

Moscow, Russia, e-mail: a.vorobeva@rgiis.ru

Annotation: The article is devoted to the issues of legal regulation of the status of subjects of audiovisual works in Russia and foreign countries. The research is based on the comparative legal method, which includes techniques for comparing and contrasting legal norms of national and foreign legislation concerning the legal status of subjects of an audiovisual work.

Keywords: the subject of an audiovisual work, a two-level system of authorship, a director of photography, a screenwriter, a composer who is the author of a musical work (with or without text) specially created for an audiovisual work, an animation (animated film) production designer, a director of photography, the United States Copyright Office, the author of the adaptation in France.

For citation: Vorobeva A.A. Comparative legal analysis of the status of subjects of audiovisual works in Russia and foreign countries // IP: theory and practice. 2026. No. 3.

Введение

В настоящее время сфера аудиовизуальной продукции, охватывающая информационное вещание, телевидение, кино, производство и дистрибуцию аудиовизуальных произведений является неотъемлемой частью креативного сектора экономики. Уполномоченные органы государственной власти принимают нормативные правовые акты, вырабатывают стратегии развития в целях совершенствования и унификации на законодательном уровне правового регулирования в сфере креативных (творческих) индустрий. Так, например, Правительством Российской Федерации разработана Стратегия развития креативной экономики до 2036¹ (далее по тексту – Стратегия) в которой сформированы основные факторы, как сдерживающие, так и обеспечивающие формирование конкурентноспособной модели развития

¹ Проект стратегии развития креативной экономики на период до 2036 от 26.12.2025, URL: https://economy.gov.ru/material/departments/d04/kreativnaya_ekonomika/proekt_strategii_razvitiya_kreativnoy_ekonomiki_v_rossiyskoy_federacii_do_2036_goda.html (дата обращения: 12.07.2026)

киноиндустрии. В Стратегии отмечено, что отечественная индустрия кинематографии успешно внедряет международный опыт коммерциализации, который в свою очередь базируется на принципе «один продукт – много форматов». Предполагается, что развитие отрасли киноиндустрии обязательно должно учитывать зарубежные бизнес-модели. Таким образом, стремительное развитие сферы аудиовизуальных произведений, в том числе внедрение технологий генеративного искусственного интеллекта при создании результатов интеллектуальной деятельности, ставит перед законодателем новые вызовы, которые обусловлены объективной необходимостью в анализе и совершенствовании уже существующих правовых категорий, в том числе учитывая зарубежный опыт.

Методы

Основа настоящего исследования представлена сравнительно-правовым методом, включающим в себя приемы сопоставления и противопоставления правовых норм национального и зарубежного законодательства в целях выявления общих черт, различий и противоречий. Как отмечает М.Н. Марченко, сравнительно-правовые исследования, путем выявления общего и особенного в сравниваемых правовых системах создают базу для соответствующей унификации содержащихся в них правовых институтов, подходов к разрешению спорных вопросов, принципов и идей. Сравнительно-правовой метод исследования позволит провести анализ различных подходов к правовому регулированию статуса субъектов аудиовизуального произведения посредством сравнения понятия, классификации и существенных признаков таких субъектов.

Основное исследование

Аудиовизуальное произведение занимает центральное место в институте авторского права, который, в свою очередь, входит в обособленную подотрасль гражданского права – право интеллектуальной собственности.

В российском законодательстве аудиовизуальное произведение является сложным объектом интеллектуальных прав. Необходимо отметить, что

правовая природа, отражающая сложную структуру данного вида произведения, входящего в перечень объектов авторских прав, раскрывается в ст. 1240 ГК РФ Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее по тексту - ГК РФ), которая регламентирует использование результатов интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта, а не через совокупность существенных признаков, содержащихся в понятии, которое находит свое закрепление в ст. 1263 ГК РФ.

Признаками сложного объекта интеллектуальных прав являются множественность охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, разнородность используемых результатов интеллектуальной деятельности, целостность формы и сложность структуры. В силу п. 1 ст. 1240 ГК РФ в состав сложного объекта может входить только несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. Признак разнородности предполагает включение в состав сложного объекта неоднотипных результатов интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средств индивидуализации. Так, например, в состав кинофильма включаются следующие результаты интеллектуальной деятельности: сценарное произведение, музыкальное произведение с текстом или без, исполнения, фонограммы и даже товарные знаки. Признак целостности формы подразумевает, что результаты интеллектуальной деятельности образуют единое целое. Необходимо отметить, что в доктрине неоднократно отмечалось, что наличие множественности лиц, в том числе, является признаком сложного объекта. Так, В.А. Дозорцев писал о результатах скоординированных усилий, а М.В. Гордон отмечал, что кинофильм представляет собой результат совместной работы нескольких авторов. Однако, бывают случаи, когда сложный объект может быть создан творческим трудом одного автора или правообладателя. Ярким примером может выступать создание музыкантом, на собственное музыкальное произведение с текстом, видеоклипа. Таким образом,

² Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета, №289, 22.12.2006

стремительное развитие сферы аудиовизуальных произведений уже не предполагает наличие обязательного участия множественности лиц при создании сложного объекта.

Тем не менее, правовое регулирование статуса субъектов аудиовизуального произведения зачастую сопряжено именно с множественностью лиц, участвующих в процессе его организации (создания) в рамках существующих конструкций договорных отношений, складывающихся по вопросам создания, использования и распоряжения правами на аудиовизуальное произведение.

В цивилистической доктрине традиционно выделяют двухуровневую систему построения авторства с учетом разноплановой творческой работы множественности лиц. Такими субъектами могут выступать авторы произведений, вошедших составной частью в аудиовизуальное произведение, как существовавшего ранее, так и созданного в процессе работы над ним. Особенным статусом обладает лицо, организовавшее создание аудиовизуального произведения – изготовитель (продюсер), которому исключительное право на аудиовизуальное произведение принадлежит в целом, если иное не вытекает из договоров с авторами, которые указаны п.2 ст.1263. В силу п. 5 ст. 1263 ГК РФ на первом уровне права закрепляются за создателями отдельных результатов творческой деятельности. На втором уровне с учетом п. 2 ст. 1263 расположились авторы, чьи права распространяются на аудиовизуальное произведение в целом. Такими авторами являются: режиссер-постановщик, автор сценария, композитор, являющийся автор музыкального произведения (с текстом или без текста), специально созданного для аудиовизуального произведения, художник-постановщик анимационного (мультипликационного фильма). Необходимо отметить, что авторы музыкального произведения (с текстом или без текста), использованного в аудиовизуального произведении, сохраняют право на вознаграждение за публичное исполнение либо сообщение в эфир или по кабелю, в том числе путем ретрансляции их музыкального произведения.

В целях выявления общих черт, различий и противоречий существующих правовых категорий проведен сравнительно-правовой анализ правового регулирования статуса субъектов аудиовизуального произведения в англосаксонской и романо-германской правовых системах.

В главе 101³ Закона США «Об авторском праве» 1976 года (далее по тексту – Закон США) раскрывается содержание основных правовых понятий, используемых далее по тексту. Так, под аудиовизуальными произведениями понимаются произведения, состоящие из серии связанных изображений, которые по своей природе предназначены для показа с помощью машин или устройств, таких как проекторы, просмотрные устройства или электронное оборудование, вместе с сопутствующими звуками, если таковые имеются, независимо от природы материальных объектов, таких как фильмы или пленки (ленты), в которых эти произведения воплощены. В соответствии с п. а (б) главы 102 Закона США авторские права распространяются на кинофильмы и другие аудиовизуальные произведения. Согласно п. б главы 102 Закона США защита авторских прав распространяется на оригинальные авторские произведения, зафиксированные на материальном носителе. В связи с чем выделяется два фундаментальных критерия защиты авторских прав – оригинальность и фиксация в материальной форме. В положениях Закона США нет четкого закрытого перечня субъектов аудиовизуального произведения. В этой связи сложилась многочисленная судебная практика по вопросу, кого следует считать автором аудиовизуального произведения, поскольку автором является не конкретный субъект, который находит своей законодательное закрепление, а субъект, установленный в договоре между сторонами, принимавший участие в его создании. Необходимо отметить, что право авторства в США может быть зарегистрировано. Процедурой регистрации занимается Бюро по авторским правам США⁴. Так, Бюро

³ Закон США «Об авторском праве» United States Code, Title 17 - Copyrights, (17 U.S.C., amended up to Public Law No. 117-263), URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22356> (дата обращения 12.07.2026)

⁴ Стандартная справка по приложению: Автор, Авторство кинофильмов, Бюро по авторским права США, URL: <https://www.copyright.gov/eco/help-author.html> (дата обращения 12.07.2026)

по авторским правам США предоставляет разъяснения, что в состав фильма могут входить режиссура, производство, монтаж, сценарий, операторская работа. Таким образом, в качестве авторов соответственно могут быть зарегистрированы: продюсер, режиссер, автор сценария. В разъяснениях отмечается, что под производством кинофильма понимается вклад отдельного лица или организации, которые играют творческую роль в планировании, контроле и организации различных этапов создания кинофильмов, а также подчеркивается, что исполнительный продюсер, который занимается только лишь управлением коммерческими составляющими кинопроекта не будет считаться его автором.

Вместе с тем, нельзя не отметить значение служебных произведений «work made for hire». Под такими произведениями в главе 102 Закона США подразумеваются: произведения, подготовленные служащим в рамках его служебных обязанностей или произведения, специально заказанные для использования в качестве части кинофильма или другого аудиовизуального произведения.

Таким образом, несмотря на отсутствие унифицированного подхода к определению субъектного состава на законодательном уровне, авторами аудиовизуального произведения могут выступать: лица, внесшие творческий вклад в производство таких произведений на основании решения регистрирующего органа, стороны, указанные в договоре, принимавшие участие в создании кинофильма, а также работодатель и авторы служебных произведений.

Перечень произведений, которые охраняются авторским правом Франции находят свое закрепление в статье L112-2 Кодекса интеллектуальной собственности Франции от 01.07.1992 года⁵ (далее – Кодекс Франции). Так, статья L112-2 Кодекса Франции предоставляет правовую охрану кинематографическим и другим произведениям, которые состоят

⁵ Кодекс интеллектуальной собственности Франции от 01.07.1992 года, Code de la propriété intellectuelle URL:<https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23227> (дата обращения 12.07.2026)

из анимационных последовательностей изображений, озвученных или нет, вместе называемые аудиовизуальными произведениями. В соответствии со статьей L113-6 Кодекса Франции право авторство в отношении аудиовизуального произведения принадлежит физическому лицу и физическим лицам, которые осуществляют создание такого произведения. При этом предполагается, что пока не доказано обратное такие лица являются соавторами аудиовизуального произведения, которое создано в сотрудничестве: автор сценария, автор адаптации, автор устного текста, автор музыкальных композиций с текстом или без текста, специально созданных для такого произведения, режиссер. Вместе с тем, когда аудиовизуальное произведение взято из ранее существовавшего произведения или сценария, которые имеют правовую охрану, то авторы оригинального произведения приравниваются к авторам нового произведения. В силу статьи L132-23 Кодекса Франции продюсером аудиовизуального произведения является физическое или юридическое лицо, которое берет на себя инициативу и ответственность за создание такого произведения. В законодательстве отмечается, что договорные отношения, которые связывают продюсера с авторами аудиовизуального произведения, за исключением автора музыкальных композиций с текстом или без текста, имеют преимущественную силу передачи исключительных прав на аудиовизуальное произведение в пользу продюсера, если только не оговорено иное и такая конструкция не наносит ущерб правам, которые закрепляются за автором. Необходимо отметить, что в отличие от Российского законодательства авторам музыкальных композиций с текстом или без текста не предоставляются дополнительных преференции отличные от иных авторов. В силу статьи L132-29 каждый из авторов аудиовизуального произведения может свободно распоряжаться той частью произведения, которая составляет его личный вклад, если это обусловлено целью использования в другом жанре в установленных законом пределах.

В республики Беларусь отношения, возникающие в связи с созданием и использованием объектов авторского права регулируются Законом Республики Беларусь № 262-3 от 17.05.2011 «Об авторском праве и смежных правах» (далее по тексту – Закон Республики Беларусь). Так, статья 5 Закона Республики Беларусь относит аудиовизуальные произведения к объектам авторского права. К аудиовизуальным произведениям относятся кинофильмы, телефильмы, видеофильмы и другие кино- и телепроизведения независимо от их первоначальной фиксации. Субъектный состав аудиовизуального произведения, указанный в ст. 12 Закона Республики Беларусь⁶, предусматривает в соотношении с национальным законодательством появление такого автора аудиовизуального произведения, как оператор-постановщик.

Заключение

Таким образом сравнительно-правовой анализ статуса субъектов аудиовизуального произведения в России и зарубежных странах показывает различность подходов зарубежного законодателя к определению перечня лиц, которые могут являться субъектами аудиовизуального произведения. Стоит отметить, что в отличие от отечественного законодателя зарубежные представители романо-германской правовой системе признает субъектами аудиовизуальных произведений более широкий круг лиц.

Список источников.

1. Гринь Е. С. Сложные объекты интеллектуальных прав: монография. Москва: Издательство «Проспект», 2026. 269 с.
2. Гринь Е. С., Алексеева В. А. Организатор создания сложного объекта интеллектуальных прав: проблемы теории и практики. // Актуальные проблемы российского права. 2018; №7. С. 123-128.
3. Дворянkin Г.В. Искусственное построение авторства на примере аудиовизуальных произведений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41). С. 87-94. DOI: 10.58741/23134852_2023_3_9

⁶ Закон Республики Беларусь № 262-3 от 17.05.2011 «Об авторском праве и смежных правах» URL:<https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22302> (дата обращения 12.07.2026)

4. Рожкова М.А., Алымова Е.В., Лабзин М.В., Никифоров А.А. Сложные объекты интеллектуальных прав. Общая часть// Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Июнь. № 2 (48). С. 24-42. DOI: 10.58741/23134852_2025_2_3

5. Марченко, М. Н. Курс сравнительного правоведения/ М. Н. Марченко. — М.: ООО «Городец-издат», 2002. — 1068 с.

References:

1. Grin E. S. Complex objects of intellectual property rights: a monograph. Moscow: Prospekt Publishing House, 2026. Pp 269

2. Grin E. S., Alekseeva V. A. The organizer of the creation of a complex object of intellectual rights: problems of theory and practice. // Actual problems of Russian law. 2018; №. 7. Pp.123-128

3. Dvoryankin G.V. Artificial construction of authorship on the example of audiovisual works // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. September 2023. 3 (41). Pp. 87-94. (In Russ.). DOI: 10.58741/23134852_2023_3_9

4. Rozhkova M.A., Alyмова E.V., Labzin M.V., Nikiforov A.A. Holder of a Higher Doctorate in Law Master of Private Law // Zhurnal Suda po intellektualnym pravam. 2025. June. № 2 (48). Pp. 24-42. (In Russ.). DOI: 10.58741/23134852_2025_2_3

5. Marchenko, M. N. Course of comparative law / M. N. Marchenko. Moscow: Gorodets—izdat LLC, 2002. 1068 Pp.

Статья поступила 26.03.2026, принята к публикации 22.05.2026.

© Воробьева А.А., 2026

Научная статья

УДК 347

DOI: [https://doi.org/ 10.68333/2949-284X.2026.96.76.004](https://doi.org/10.68333/2949-284X.2026.96.76.004)

Медиация в сфере защиты интеллектуальных прав: постановка научной проблемы

Кирилл Олегович Григорьев,

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Аспирант

work-456gri@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0004-0125-7470>

Аннотация. В статье обосновывается необходимость самостоятельного научного исследования медиации в сфере защиты интеллектуальных прав. Показано, что в отечественной доктрине и практике накоплен значительный материал о медиации как примирительной процедуре, однако ее применение к IP-спорам не получило целостного теоретико-правового объяснения. Выявлено противоречие между потребностью в гибких внесудебных механизмах урегулирования интеллектуальных конфликтов и недостаточной разработанностью вопросов о месте медиации в системе способов защиты гражданских прав, критериях медиабельности IP-споров, правовой природе медиативного соглашения и системе принципов процедуры. Обосновывается, что одной из слабо разработанных теоретических тем остается принцип открытости медиации, понимаемый как внутренняя прозрачность процедуры для ее участников. Предлагаются основные направления разрешения выявленной научной проблемы в рамках дальнейшего исследования.

Ключевые слова: медиация, интеллектуальные права, защита гражданских прав, медиабельность, медиативное соглашение, принципы медиации, открытость процедуры, IP-споры, научная проблема.

Для цитирования: Григорьев К.О. Медиация в сфере защиты интеллектуальных прав: постановка научной проблемы // IP: теория и практика. – 2026. – № 3.

Original article

Mediation in the Field of Protection of Intellectual Property Rights: Setting a Scientific Problem

Kirill O. Grigoriev,
Russian State Academy
of Intellectual Property, Moscow, Russia
Postgraduate student
work-456gri@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0004-0125-7470>

Abstract. The article substantiates the need for an independent scientific study of mediation in the field of protection of intellectual property rights. It is shown that Russian doctrine and practice have accumulated substantial material on mediation as a conciliatory procedure; however, its application to IP disputes still lacks a coherent theoretical and legal explanation. The paper reveals a contradiction between the need for flexible out-of-court mechanisms for resolving intellectual conflicts and the insufficient development of issues concerning the place of mediation in the system of civil law remedies, the criteria of mediability of IP disputes, the legal nature of mediation agreements, and the principles of the procedure. Particular attention is paid to the principle of openness, understood as the internal transparency of the procedure for its participants. The main directions for resolving the identified scientific problem are proposed.

Keywords: mediation, intellectual property rights, civil law remedies, mediability, mediation agreement, principles of mediation, openness of procedure, IP disputes, scientific problem.

Для цитирования: Grigoriev K.O. Mediation in the Field of Protection of Intellectual Property Rights: setting a scientific problem // IP: theory and practice. 2026. No. 3.

Введение

В отечественной юридической науке медиация уже давно перестала восприниматься как факультативное приложение к судебному разбирательству. Вопросы, касающиеся определения ее понятия, правовой природы, принципов, пределов применения и соотношения с иными

примирительными процедурами, получили освещение в трудах Д.Л. Давыденко, С.И. Калашниковой, Ц.А. Шамликашвили, С.К. Загайновой, В.В. Яркова и других авторов [1–4]. Постепенно расширяется и круг работ, посвященных применению медиации в отдельных категориях споров, в том числе интеллектуальных. Соответствующие аспекты рассматриваются в публикациях В.С. Савиной, Е.А. Гринь, Е.А. Панфиловой, Б.С. Лобанова, Н.Б. Лобановой, Ю.В. Ширяевой и других исследователей [5–8]. Тем самым сама тема медиации не может рассматриваться как неразработанная.

Вместе с тем наличие значительного числа работ о медиации в целом еще не означает, что решены теоретические вопросы ее применения к интеллектуальным спорам. Именно здесь обнаруживается исследовательский дефицит. В большинстве публикаций медиация в сфере интеллектуальной собственности описывается либо как частный случай общей медиации, либо как перспективный практический инструмент, способный разгрузить суды и упростить урегулирование конфликтов. Однако этого явно недостаточно для построения цельной юридической конструкции. До сих пор не дан ответ на вопрос, какое место медиация занимает в системе способов защиты гражданских прав применительно к интеллектуальным правам, какова правовая природа медиативного соглашения в IP-споре, по каким критериям следует определять медиабельность таких конфликтов и какие принципы должны составлять основу процедуры в ее отраслевом выражении.

Постановка названных вопросов обусловлена не отвлеченными соображениями, а особенностями современной практики. В условиях цифровой среды нарушения интеллектуальных прав происходят быстро, нередко сразу в нескольких юрисдикциях, а спорящие стороны заинтересованы не только в судебной оценке уже совершенного нарушения, но и в определении порядка дальнейшего использования спорного объекта, распределении рисков, прекращении конфликта без излишней публичности. Именно поэтому интерес к внесудебным способам урегулирования в рассматриваемой сфере закономерно возрастает. Международная практика

подтверждает эту тенденцию. Так, по данным WIPO Arbitration and Mediation Center, в 2023 г. было зарегистрировано 679 случаев разрешения IP-споров, а динамика обращений к соответствующим процедурам носит устойчиво положительный характер¹.

Российская практика, напротив, демонстрирует более сдержанную картину. Несмотря на действие Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ² (далее – Закон № 193-ФЗ), медиация в спорах о защите интеллектуальных прав по-прежнему применяется ограниченно. Это связывают с особенностями правовой культуры, недостаточным доверием к посредническим процедурам, отсутствием стабильной инфраструктуры и недостаточной определенностью профессиональных стандартов [7; 8]. Однако в доктринальном отношении важнее другое, медиация применительно к интеллектуальным правам до сих пор не получила такого уровня теоретического осмысления, который позволил бы последовательно объяснить ее место в системе гражданско-правовой защиты и тем самым перевести отдельные практические решения в устойчивую модель правового регулирования.

Цель настоящей статьи состоит в обосновании необходимости самостоятельного научного исследования медиации в сфере защиты интеллектуальных прав через выявление практических затруднений, анализ недостаточности научного знания, формулирование противоречия, постановку научной проблемы и определение основных направлений ее разрешения.

Методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы, примененные в соответствии с поставленной целью. Формально-юридический метод использовался для

¹ WIPO Arbitration and Mediation Center. WIPO ADR Highlights 2023. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/center/summary2023.html> (дата обращения: 25.12.2025).

² Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

анализа действующего регулирования процедуры медиации и выявления его общего, универсального характера применительно к интеллектуальным спорам, прежде всего на материале Закона № 193-ФЗ. Системный метод позволил рассмотреть медиацию не изолированно, а во взаимосвязи с иными способами защиты гражданских прав, включая судебные, административные и договорные механизмы.

Сравнительно-правовой метод применялся при обращении к международным ориентирам развития примирительных процедур в сфере интеллектуальной собственности, прежде всего на материале данных и подходов ВОИС³, а также европейских документов, посвященных медиации в гражданских и коммерческих делах⁴. Аналитико-доктринальный подход использовался для обобщения научных позиций, сложившихся в отечественной литературе по вопросам медиации в целом и ее применения в сфере интеллектуальной собственности в частности [1–8]. При постановке научной проблемы использовалась логика методологического анализа, предложенная в работах И.Л. Честнова и Е.В. Ленъко, связывающая научную проблему с выявлением противоречия между имеющимся и необходимым состоянием знания [9; 10].

Основное исследование

Прежде чем перейти к формулированию научной проблемы, необходимо обозначить само понимание проблемы с точки зрения методологии. В юридической литературе она определяется как особая форма научного знания, выражающая осознание того, что в определенной области отсутствуют необходимые объяснения и решения. И.Л. Честнов характеризует проблему как «знание о незнании», т.е. осознание неудовлетворительного

³ WIPO Arbitration and Mediation Center. WIPO ADR Highlights 2023. URL: <https://www.wipo.int/amc/en/center/summary2023.html> (дата обращения: 25.12.2025).

⁴ European Code of Conduct for Mediators. URL: https://mediacia.com/wp-content/uploads/2018/06/Code_of_Conduct.pdf (дата обращения: 18.02.2026); Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2008/52/oj/eng> (дата обращения: 20.02.2026).

состояния дел в конкретной сфере [9, с. 83]. Е.В. Ленко связывает научную проблему с выявлением недостающего знания, без которого невозможно дальнейшее развитие науки и практики [10, с. 82]. Следовательно, постановка научной проблемы не может сводиться к простому указанию на актуальность темы или полезность исследования. Она предполагает выявление внутреннего противоречия, показывающего, что имеющихся знаний уже недостаточно для объяснения рассматриваемого явления и что дальнейшее движение возможно лишь через выработку новых теоретических положений.

В сфере интеллектуальных прав разрыв между практическими потребностями оборота и уровнем их теоретического объяснения проявляется особенно наглядно. Судебная защита сохраняет здесь основное значение, поскольку именно суд устанавливает факт нарушения, применяет предусмотренные законом способы защиты и придает разрешению спора обязательный характер. Вместе с тем интеллектуальный конфликт редко исчерпывается вопросом о том, было ли нарушено право. Для правообладателя, пользователя объекта или иного участника оборота не менее существенными оказываются последующие вопросы: каким образом прекратить нарушение, можно ли сохранить деловое взаимодействие, допустимо ли согласовать дальнейшее использование объекта и какие условия должны исключить повторное возникновение спора.

Эта особенность вытекает из самой природы интеллектуальных прав. Предметом конфликта выступает не вещь как физический объект, а правовой режим использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Поэтому спор затрагивает не только оценку уже совершенного поведения, но и пределы будущего использования: способы размещения произведения, объем предоставляемых прав, территорию и срок использования, порядок маркировки, условия переработки, контроль качества либо прекращение использования спорного обозначения. Даже после судебного решения эти вопросы могут сохранять самостоятельное значение,

поскольку именно они определяют дальнейшее содержание отношений между сторонами.

В цифровой среде указанная проблема становится еще более выраженной. Спорный материал может продолжать распространяться во время рассмотрения дела, обозначение – использоваться на маркетплейсах и в рекламе, а программный продукт или иной технологический результат – изменяться быстрее, чем завершается судебная процедура. В результате защита интеллектуального права требует не только восстановления нарушенного положения в формальном смысле, но и выработки такой модели поведения, которая позволит стабилизировать отношения вокруг спорного объекта. Особенно явно это проявляется при наличии длительных хозяйственных связей, например, совместной разработки, лицензионного договора, франчайзинга, создания контента, взаимодействия с платформами, подрядчиками или посредниками.

Отдельного внимания заслуживает доказательственная сторона интеллектуальных конфликтов. Здесь нет универсального шаблона: так, в одних спорах требуется сравнительный анализ обозначений и оценка риска смешения, а в других же детальное исследование степени заимствования, технических характеристик объекта или характера использования произведения. Состав участников при этом далеко не всегда ограничивается парой «правообладатель – нарушитель». В конфликт реально вовлечены платформы, рекламные посредники, подрядчики, производители и дистрибьюторы, каждый из которых влияет на фактическое использование объекта. Все это придает интеллектуальному спору принципиально многоуровневый характер: юридическая оценка уже совершенного нарушения неизбежно соединяется с вопросом о том, как именно стороны будут действовать в отношении спорного объекта впредь.

В этом контексте медиация интересна не как абстрактная альтернатива суду, а как процедура, позволяющая согласовать конкретные правила дальнейшего поведения. Стороны могут договориться о прекращении

использования спорного объекта, согласовать параметры лицензии, размер и порядок выплаты компенсации, механизм контроля за исполнением договоренностей, изменить способ размещения спорного материала. Но этот потенциал не реализуется сам по себе. Пока нет ответа на вопрос, каково место медиации в системе способов защиты гражданских прав, какова правовая природа достигаемого соглашения и каковы пределы применимости процедуры к IP-спорам, она остается скорее допустимой возможностью, нежели предсказуемым юридическим инструментом.

Обращение к научной литературе подтверждает, что общетеоретическая база медиации в российской доктрине достаточно обширна. Работы Д.Л. Давыденко, С.И. Калашниковой, Ц.А. Шамликашвили, С.К. Загайновой, В.В. Яркова и других исследователей заложили фундамент для понимания медиации как согласительной процедуры, основанной на добровольности, конфиденциальности, беспристрастности посредника и процессуальной организованности [1–4]. Сформировались также научно-практические представления о роли суда в развитии медиации, о необходимости профессиональных стандартов и о значении доверия к процедуре [7; 8]. В сфере интеллектуальной собственности соответствующие вопросы затрагиваются в работах В.С. Савиной, Е.А. Гринь, Е.А. Панфиловой, Б.С. Лобанова и Н.Б. Лобановой [5; 6; 8]. Следовательно, утверждать, что тема медиации применительно к интеллектуальным спорам не исследовалась вовсе, было бы неверно.

Важно учитывать, что медиация в российском правовом порядке сопровождается реальными институциональными изменениями. В судебной системе последовательно развиваются примирительные механизмы, включая судебное примирение; Верховный Суд РФ неоднократно обобщал практику применения Закона № 193-ФЗ⁵. В профессиональной литературе фиксируется

⁵ Справка о практике применения судами Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 г., утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 01.04.2015. URL: <https://www.vsrfl.ru/files/14888/> (дата обращения: 18.02.2026); Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-

появление специализированных медиационных сервисов и площадок для примирения, в том числе при судах, рассматривающих интеллектуальные споры [8; 11]. Но сама по себе эта институционализация теоретический пробел не устраняет, а, напротив же, она делает его более заметным. Чем шире становится практика, тем яснее необходимость в доктринальном объяснении правовой природы и системного места процедуры.

Научный фон по теме медиации сегодня действительно достаточно широк. Помимо уже названных авторов, проблематика примирительных процедур в различных аспектах затрагивается в работах О.В. Аллахвердовой, А.Д. Карпенко, Е.В. Прониной, С.Ю. Поповой (Смолик), в комментариях к законодательству о медиации и в специальных исследованиях по судебному примирению [4; 11; 12]. На международном уровне также сформирован собственный нормативный и этический контекст: Европейский кодекс поведения медиаторов и Директива 2008/52/ЕС показывают, что медиация рассматривается не как факультативная переговорная практика, а как юридически значимый и организационно стандартизируемый способ урегулирования гражданских и коммерческих споров⁶. Однако и этот массив работ в основном концентрируется на медиации как общей процедуре. Вопросы, связанные именно с интеллектуальными правами, по-прежнему остаются на периферии общего обсуждения и редко становятся предметом самостоятельной доктринальной реконструкции.

Однако наличие научного фона еще не означает решения самой проблемы. Анализ литературы показывает, что в большинстве случаев IP-медиация рассматривается либо как перспективный практический

ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/view/0001201907260004> (дата обращения: 18.02.2026); Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336707/ (дата обращения: 18.02.2026).

⁶ European Code of Conduct for Mediators. URL: https://mediacia.com/wp-content/uploads/2018/06/Code_of_Conduct.pdf (дата обращения: 18.02.2026); Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2008/52/oj/eng> (дата обращения: 18.02.2026).

инструмент, либо как частная разновидность общей медиации. Между тем эта тема требует постановки более глубоких, собственно теоретических вопросов. В частности, неясно, каким образом медиация должна быть квалифицирована в системе способов защиты гражданских прав. Является ли она самостоятельным способом защиты? Может ли она рассматриваться как разновидность самозащиты права в широком смысле, т.е. как согласованное восстановление нарушенного интереса без властного разрешения спора по существу? Или же речь идет об особом согласительном механизме, который не подменяет традиционные способы защиты, но обеспечивает возможность их договорного оформления в результате процедуры? Пока эти вопросы остаются без последовательного разрешения, невозможно выстроить убедительную отраслевую модель применения медиации к интеллектуальным спорам.

Не менее значимым направлением дальнейшего исследования выступает разработка критериев медиабельности споров в сфере защиты интеллектуальных прав. В научной литературе уже обращается внимание на то, что применение медиации в подобных конфликтах не может быть универсальным, так, одни категории споров действительно предполагают возможность согласительного урегулирования, тогда как в других случаях сторонам необходимо получить именно властное решение компетентного органа [6; 13]. Поэтому медиабельность следует понимать не как формальную допустимость обращения к медиатору, а как совокупность юридически значимых признаков, позволяющих оценить пригодность конкретного спора для урегулирования на основе соглашения сторон. К таким признакам могут быть отнесены диспозитивность спорного правоотношения, возможность сторон распоряжаться соответствующим правом или способом его использования, наличие продолжающихся договорных либо фактических связей между участниками, потребность в индивидуализированном результате, а также отсутствие необходимости в публичном подтверждении правовой позиции судом. При таком подходе критерии медиабельности

приобретают не только прикладное, но и доктринальное значение, поскольку позволяют определить пределы применения медиации в сфере интеллектуальных прав и избежать ее механического распространения на любые IP-споры.

Самостоятельного анализа требует и правовая природа медиативного соглашения, заключаемого по итогам урегулирования интеллектуального спора. В обычном представлении такое соглашение может восприниматься как итог примирения сторон. Однако применительно к интеллектуальным правам его содержание нередко выходит за рамки простого отказа от требований или фиксации прекращения конфликта. Оно может включать условия о предоставлении права использования объекта, изменении способа такого использования, выплате компенсации, прекращении размещения контента, переработке спорного обозначения, порядке контроля и отчетности. В этих случаях медиативное соглашение фактически затрагивает содержание гражданско-правового отношения по поводу исключительного права.

По этой причине медиативное соглашение в интеллектуальном споре не может рассматриваться только как формальное завершение процедуры. Оно требует самостоятельной правовой квалификации. С одной стороны, такое соглашение возникает в результате согласования интересов сторон и сохраняет связь с примирительной процедурой. С другой стороны, его содержание может включать элементы лицензионного договора, соглашения о прекращении нарушения, договора об отчуждении исключительного права, обязательств о выплате компенсации, изменении способа использования объекта либо прекращении его размещения. Следовательно, речь идет о сложной гражданско-правовой конструкции, в которой процедурный результат соединяется с материально-правовым регулированием отношений по поводу исключительного права.

Именно эта двойственная природа медиативного соглашения требует доктринального уточнения. Необходимо определить, какие условия такого соглашения имеют существенное значение для его устойчивости, как оно

соотносится с требованиями части четвертой ГК РФ, в каких пределах стороны вправе распоряжаться спорным правом и каким образом может быть обеспечена исполнимость достигнутых договоренностей. Без ответа на эти вопросы медиативное соглашение остается недостаточно определенным инструментом, хотя именно оно способно придать урегулированию интеллектуального спора практический правовой результат.

Сходная неопределенность обнаруживается и при обращении к принципам медиации. Закон № 193-ФЗ закрепляет добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, а также беспристрастность и независимость медиатора. Эти начала формируют общую правовую основу процедуры. Однако в интеллектуальных спорах особое значение приобретает не только соблюдение базовых гарантий, но и понятность самой процедуры для ее участников, а именно роль медиатора, пределы конфиденциальности, правовые последствия соглашения, значение каждого этапа переговоров. Профессиональные кодексы и стандарты уже содержат указания на открытость и прозрачность медиации, но в отечественной доктрине этот аспект пока не получил достаточного самостоятельного раскрытия применительно к спорам о защите интеллектуальных прав.

Представляется, что именно здесь возникает одна из наиболее содержательных точек приложения будущего исследования. Под принципом открытости медиации следует понимать не публичность процедуры вовне, а ее внутреннюю прозрачность для участников. Иначе говоря, речь идет о таком построении процедуры, при котором стороны понимают ее правила, этапы, пределы полномочий медиатора и правовые последствия достигаемых договоренностей. Для споров о защите интеллектуальных прав это особенно важно, поскольку здесь предмет переговоров зачастую касается не только абстрактного права, но и технических параметров использования объекта, коммерчески чувствительной информации, будущих моделей поведения. При отсутствии внутренней прозрачности добровольность участия легко

становится формальной, когда сторона соглашается на процедуру, не обладая в достаточной мере пониманием ее содержания и последствий. Поэтому принцип открытости заслуживает самостоятельного доктринального осмысления как элемент общей системы принципов медиации.

Таким образом, в сфере интеллектуальных прав выявляется противоречие между, с одной стороны, возрастающей потребностью в гибких, конфиденциальных и согласительных внесудебных механизмах урегулирования конфликтов, а с другой стороны, отсутствием достаточно разработанной теоретико-правовой модели медиации, позволяющей определить ее место в системе способов защиты гражданских прав, критерии медиабельности IP-споров, правовую природу медиативного соглашения и систему принципов процедуры. Именно это противоречие и образует проблемную ситуацию, требующую постановки самостоятельной научной проблемы.

Таким образом, научная проблема настоящего исследования заключается не просто в отсутствии общей «модели» медиации в сфере интеллектуальных прав, а в отсутствии ее последовательного теоретико-правового объяснения в системе цивилистических знаний. Иначе говоря, в современной доктрине не определено, какое место медиация занимает в системе способов защиты гражданских прав применительно к интеллектуальным правам, по каким критериям следует оценивать медиабельность IP-споров, какова правовая природа медиативного соглашения в такой категории дел и подлежит ли система принципов медиации уточнению с учетом специфики конфликтов. Именно совокупность этих нерешенных вопросов и образует самостоятельную научную проблему, требующую специальной доктринальной разработки.

Направления возможного решения обозначенной проблемы видятся в нескольких взаимосвязанных плоскостях. Во-первых, необходима разработка критериев медиабельности IP-споров, позволяющих определить пределы и условия применения процедуры. Во-вторых, требуется теоретическая

конструкция медиативного соглашения в интеллектуальной сфере, отражающая его сложный договорный характер. В-третьих, следует определить место медиации в системе способов защиты гражданских прав, не сводя ее ни исключительно к процессуальному инструменту, ни только к переговорам без правил. В-четвертых, самостоятельной доктринальной проработки требует система принципов медиации, прежде всего принцип открытости для ее участников. Наконец, отдельного анализа заслуживает применение медиации в цифровой среде, где онлайн-коммуникация, трансграничность и платформенный характер конфликтов перестают быть внешним фоном и становятся элементом самой процедуры.

Именно поэтому представляется недостаточным ограничиваться тезисом о том, что медиация в сфере интеллектуальных прав «может быть полезной». Такой вывод сам по себе очевиден и уже неоднократно воспроизводился в литературе [5–8]. Научная задача заключается в ином, а именно в выработке таких понятий и положений, которые позволят описать IP-медиацию как самостоятельный объект юридического анализа. В этом смысле особое значение имеет не только вопрос о применимости медиации к интеллектуальным спорам, но и вопрос о том, какой именно юридический эффект создает эта процедура. Если медиативное соглашение становится способом определения дальнейшей судьбы исключительного права, значит, медиация затрагивает не только процессуальную сферу, но и материально-правовую ткань гражданского правоотношения. Отсюда следует, что ее невозможно описать лишь как «альтернативу суду», без более глубокой теоретической квалификации.

Особое место в рамках обозначенной проблемы занимает вопрос о принципах медиации применительно к интеллектуальным спорам. Законодательная модель, закрепленная в ст. 3 Закона № 193-ФЗ, несомненно, задает фундаментальные ориентиры процедуры. Однако в интеллектуальных конфликтах для сторон принципиально важно не только наличие добровольности и конфиденциальности, но и понимание того, как именно

устроена процедура, какие сведения должны быть раскрыты в пределах переговорного пространства, каковы последствия соглашения и как соотносятся договоренности с режимом исключительного права. В профессиональных кодексах медиаторов категория открытости и прозрачности уже используется как один из нормативных ориентиров поведения посредника⁷. Профессиональный стандарт медиатора также предполагает, что посредник обеспечивает сторонам понимание содержания процедуры и условий ее проведения⁸. Это дает основание поставить вопрос о том, что в доктринальном плане принцип открытости должен быть осмыслен не как этическое пожелание, а как самостоятельное начало процедуры.

Открытость процедуры не следует смешивать с ее публичностью. В медиации действует иная логика. Так, сведения, раскрытые сторонами в ходе переговоров, не предназначены для внешнего распространения, однако сами участники должны понимать правила, ход и возможные последствия процедуры. Поэтому конфиденциальность и открытость выполняют разные функции. Первая защищает переговорное пространство от внешнего вмешательства, вторая обеспечивает осознанное участие сторон внутри этого пространства.

Для интеллектуальных споров такое разграничение имеет особое значение. В ходе урегулирования стороны могут обсуждать технические характеристики объекта, объем предоставляемых прав, условия лицензирования, размер компенсации, порядок размещения произведения или обозначения в цифровой среде, сведения о коммерческой стратегии и иные чувствительные данные. Конфиденциальность делает возможным сам обмен такой информацией. Открытость, в свою очередь, позволяет участнику понимать, какие сведения раскрываются, зачем они необходимы для

⁷ Code of Professional Ethics of Mediators of the Union "System of Professional Mediators 'M2V'". Available at: https://mediation-rspp.ru/wp-content/uploads/2021/09/mc_codex-1.pdf (дата обращения: 18.02.2026).

⁸ Order of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation No. 1041n of December 15, 2014 "On Approval of the Professional Standard 'Specialist in Mediation (Mediator)'".

урегулирования и какие правовые последствия могут возникнуть в случае достижения соглашения.

Следовательно, принцип открытости следует рассматривать как гарантию информированного участия, а не как требование раскрывать содержание процедуры третьим лицам. Он усиливает добровольность, поскольку согласие стороны становится основанным на понимании процедуры и ее последствий; поддерживает равноправие, снижая риск информационного дисбаланса; повышает устойчивость медиативного соглашения, поскольку стороны яснее представляют объем принимаемых на себя обязательств. В этом смысле открытость дополняет конфиденциальность и позволяет связать ее с другими базовыми началами медиации.

Научная новизна настоящей постановки вопроса проявляется не в утверждении общей полезности медиации, а в уточнении тех доктринальных элементов, без которых невозможно ее последовательное применение в сфере защиты интеллектуальных прав. Во-первых, предлагается рассматривать место медиации в системе способов защиты гражданских прав как самостоятельный теоретический вопрос, поскольку от его решения зависит правовая квалификация всей процедуры. Во-вторых, медиативное соглашение в интеллектуальном споре предлагается анализировать не только как итог примирения, но и как сложную гражданско-правовую конструкцию, способную затрагивать распоряжение исключительным правом. В-третьих, система принципов медиации нуждается в уточнении применительно к IP-спорам, поскольку традиционные начала процедуры не полностью раскрывают требование информированного и осознанного участия сторон.

В этом контексте принцип открытости приобретает значение самостоятельного теоретического элемента. Он позволяет связать между собой добровольность, равноправие и конфиденциальность, не подменяя ни одно из этих начал. Его назначение состоит в том, чтобы обеспечить сторонам понимание порядка процедуры, роли медиатора, пределов раскрытия информации и правовых последствий достигаемых договоренностей. Такое

понимание особенно важно в интеллектуальных спорах, где результат урегулирования часто влияет не только на прекращение конфликта, но и на дальнейшее использование объекта интеллектуальных прав.

Место медиации в системе защиты гражданских прав нельзя определить только через ее процедурную сторону. Для интеллектуальных споров существенно то, что медиативное урегулирование влияет не только на порядок завершения конфликта, но и на содержание материального правоотношения. Если стороны согласуют способы использования результата интеллектуальной деятельности, объем предоставляемых прав, территорию, срок, порядок маркировки, условия переработки или прекращения размещения объекта, они фактически определяют дальнейшую судьбу исключительного права. В такой ситуации медиация перестает быть лишь способом снижения конфликтности и приобретает значение инструмента частноправового упорядочения отношений.

Эта особенность не позволяет полностью отождествить IP-медиацию ни с обычными переговорами, ни с судебным примирением, ни с последующим договорным оформлением компромисса. В ней соединяются два элемента: процедурный, связанный с участием нейтрального посредника, и материально-правовой, выражающийся в конкретизации поведения сторон по поводу объекта интеллектуальных прав. Поэтому медиация в рассматриваемой сфере требует самостоятельной доктринальной квалификации. Ее можно рассматривать как особую согласительную форму реализации и защиты гражданских прав, в которой автономия воли сторон используется не только для прекращения спора, но и для выстраивания дальнейшего правового режима использования объекта.

Один из вопросов, заслуживающих специального рассмотрения в ходе дальнейшего исследования, – это соотношение медиации с самозащитой гражданских прав. В классическом понимании самозащита предполагает односторонние действия управомоченного лица, направленные на пресечение нарушения собственными силами. Медиация устроена принципиально иначе:

восстановление нарушенного интереса здесь достигается через согласование воли обеих сторон при содействии нейтрального посредника. Это не самозащита в строгом смысле, однако и не судебная защита, потому что властного решения нет, принуждение исключено, а результат определяется самими участниками. По своей логике такая модель ближе к договорным механизмам восстановления нарушенного баланса и именно здесь возникает вопрос о ее самостоятельном месте в системе способов защиты гражданских прав.

Медиация при таком подходе не подменяет судебную защиту и не отменяет иных способов защиты гражданских прав. Ее специфика в том, что она создает правовое пространство, в котором стороны при содействии посредника сами определяют приемлемый способ урегулирования. Для интеллектуальных споров это особенно ценно, потому что конфликт нередко требует не только прекращения нарушения, но и согласования того, как объект будет использоваться в будущем. Медиацию в этом контексте можно рассматривать как согласительную форму частноправового восстановления интереса, основанную на автономии воли и направленную на выработку юридически определенной модели поведения применительно к спорному объекту.

В рамках настоящей статьи сформулированы три взаимосвязанных положения, определяющих дальнейшее направление исследования. Первое положение состоит в том, что ключевая проблема IP-медиации связана не с доказательством ее практической полезности, а с определением юридического места этой процедуры в системе способов защиты гражданских прав. Второе положение заключается в том, что медиативное соглашение по интеллектуальному спору обладает сложной правовой природой: оно завершает конфликт, но одновременно может устанавливать дальнейший режим использования исключительного права. Третье положение связано с необходимостью специального анализа принципа открытости как условия осознанного участия сторон в процедуре. В совокупности эти выводы

позволяют рассматривать медиацию в сфере защиты интеллектуальных прав не как частный пример общей медиации, а как самостоятельный объект цивилистического исследования.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что медиация в сфере защиты интеллектуальных прав образует самостоятельную научную проблему. Она не сводится к редкому использованию процедуры в российской практике и не исчерпывается вопросом о ее удобстве для участников спора. Более существенное затруднение состоит в том, что при развитой общей доктрине медиации пока не сформировано последовательное теоретико-правовое объяснение ее применения именно к интеллектуальным спорам.

Ключевыми элементами этой проблемы являются неопределенность места медиации в системе способов защиты гражданских прав, отсутствие разработанных критериев медиабельности IP-споров, недостаточная определенность правовой природы медиативного соглашения, а также неполная разработанность системы принципов процедуры применительно к интеллектуальным конфликтам. Особое значение имеет принцип открытости, поскольку он позволяет рассматривать информированность и осознанность участия сторон как необходимое условие действительной добровольности медиации.

Тем самым проведенный анализ позволяет перейти от общей актуальности темы к постановке конкретной научной проблемы, имеющей самостоятельное значение для цивилистической доктрины. Дальнейшее исследование должно быть направлено на разработку конкретных теоретических положений, а именно критериев медиабельности интеллектуальных споров, правовой конструкции медиативного соглашения, места медиации в системе защиты гражданских прав и содержания принципа открытости. Именно эти положения способны придать медиации в сфере интеллектуальных прав необходимую отраслевую определенность и создать основу для ее более последовательного применения в правопорядке.

Список источников

1. Давыденко Д.Л. Примириительные процедуры в европейской правовой традиции / Д.Л. Давыденко. – Москва: Инфотропик Медиа, 2013. – 232 с.
2. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции / С.И. Калашникова. – Москва: Инфотропик Медиа, 2011. – 304 с.
3. Шамликашвили Ц.А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров. – Москва: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2017. – 77 с.
4. Загайнова С. К., Ярков В. В. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». – Москва: Инфотропик Медиа, 2012.
5. Савина В.С. Медиация в сфере интеллектуальной собственности: возможности и перспективы применения / В.С. Савина // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 10. – С. 35–42.
6. Гринь Е.А. Процедура медиации в спорах, связанных с интеллектуальной собственностью: проблемы и перспективы // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 8 (176). – С. 106–107.
7. Ширяева Ю.В. О роли суда в развитии медиации. Медиатор.рф. 04.05.2023. URL: <https://медиатор.рф/business/yuliya-shiryaeva-o-rol-i-suda-v-razviti-i-mediatsii/> (дата обращения: 09.12.2025).
8. Панфилова Е.А. Медиативные технологии в сфере интеллектуальной собственности / Е.А. Панфилова, Б.С. Лобанов, Н.Б. Лобанова // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2017. – Т. 6. № 5. – С. 68–73.
9. Честнов И.Л. Методология и методика научного исследования: учебное пособие / И.Л. Честнов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 124 с.
10. Ленъко Е.В. Формулирование и решение научной проблемы в докторской диссертации / Е.В. Ленъко // ПКиК. – 2009. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formulirovanie-i-reshenie-nauchnoy-problemy-v-doktorskoj-dissertatsii> (дата обращения: 22.12.2025).
11. Комната примирения и медиации в Суде по интеллектуальным правам. Право.ru. 26.06.2025. URL: <https://pravo.ru/opinion/258529/> (дата обращения: 18.02.2026).

12. Кодекс профессиональной этики медиаторов Союза «Система профессиональных медиаторов "M2B"». URL: https://mediation-rspp.ru/wp-content/uploads/2021/09/mc_codex-1.pdf (дата обращения: 18.02.2026).

13. Сергеева Н.Ю. К вопросу о медиабельности споров в сфере защиты интеллектуальных прав / Н.Ю. Сергеева, К.О. Григорьев // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2025. – № 6. – С. 40–45.

References

1. Davydenko D.L. *Primitel'nye protsedury v evropeyskoy pravovoy traditsii = Conciliation Procedures in the European Legal Tradition*. Moscow, Infotropik Media Publ. 2013. 232 p. (in Russ.).
2. Kalashnikova S.I. *Mediatsiya v sfere grazhdanskoj yurisdiktsii = Mediation in Civil Jurisdiction*. Moscow, Infotropik Media Publ. 2011. 304 p. (in Russ.).
3. Shamlikashvili Ts.A. *Mediatsiya – sovremennyy metod vnesudebnogo razresheniya sporov = Mediation as a Modern Method of Out-of-Court Dispute Resolution*. Moscow, 2017. 77 p. (in Russ.).
4. Zagaynova S.K., Yarkov V.V. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii) = Commentary on the Federal Law on Mediation*. Moscow, Infotropik Media Publ. 2012 (in Russ.).
5. Savina V.S. Mediation in the field of intellectual property: opportunities and prospects for application. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2017. No. 10, pp. 35–42 (in Russ.).
6. Grin E.A. Mediation procedure in disputes related to intellectual property: problems and prospects. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2019. No. 8 (176), pp. 106–107 (in Russ.).
7. Shiryayeva Yu.V. On the role of the court in the development of mediation. Mediator.rf. 04.05.2023. URL: <https://медиатор.рф/business/yuliya-shiryayeva-o-rol-i-suda-v-razvitii-mediatsii/> (date of access: 09.12.2025) (in Russ.).
8. Panfilova E.A., Lobanov B.S., Lobanova N.B. Mediation technologies in the field of intellectual property. *Personnel and Intellectual Resources Management in Russia*, 2017, vol. 6. No. 5, pp. 68–73 (in Russ.).
9. Chestnov I.L. *Metodologiya i metodika nauchnogo issledovaniya = Methodology and Methods of Scientific Research*. Saint Petersburg, 2018. 124 p. (in Russ.).
10. Lenko E.V. Formulation and solution of a scientific problem in a doctoral dissertation. PKiK, 2009. No. 2. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/formulirovanie-i-reshenie-nauchnoy-problemy-v-doktorskoy-dissertatsii> (date of access: 22.12.2025) (in Russ.).

11. Code of Professional Ethics of Mediators of the Union "System of Professional Mediators M2V". URL: https://mediation-rspp.ru/wp-content/uploads/2021/09/mc_codex-1.pdf (date of access: 18.02.2026) (in Russ.).

12. Conciliation and mediation room in the Intellectual Property Rights Court. Pravo.ru. 26.06.2025. URL: <https://pravo.ru/opinion/258529/> (date of access: 18.02.2026) (in Russ.).

13. Sergeeva N.Yu., Grigoriev K.O. On the mediability of disputes in the field of protection of intellectual property rights. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nyye prava = Patents and Licenses. Intellectual Rights*. 2025. No. 6, pp. 40–45 (in Russ.).

Статья поступила 08.06.2026, принята к публикации: 09.06.2026.

© Григорьев К.О., 2026

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Научная статья

УДК 614.84

DOI: [https://doi.org/ 10.68333/2949-284X.2026.48.42.005](https://doi.org/10.68333/2949-284X.2026.48.42.005)

Противопожарная техника: инновации XXI века на примере запатентованных в Российской Федерации изобретений и полезных моделей

Александра Георгиевна Головина¹, Александр Анатольевич Лысков²

^{1, 2} Федеральный институт промышленной собственности, Москва, Россия

¹ Начальник отдела горного дела, строительства и легкой промышленности

agolovina@rupto.ru

<https://orcid.org/0009-0007-6253-8665>

² Главный государственный эксперт по интеллектуальной собственности отдела горного дела, строительства и легкой промышленности, кандидат технических наук

aleksandr.lyskov@rupto.ru

<https://orcid.org/0009-0003-1399-7647>

Аннотация. На основе аналитических инструментов и патентных данных сформирована картина инноваций технических решений в области противопожарной техники в XXI в., представленных запатентованными в РФ изобретениями и полезными моделями. Число патентов на изобретения и полезные модели является одним из показателей развития отраслей техники, включая и противопожарную технику. Выявлены траектории патентования в области противопожарной техники, ключевые обладатели патентов.

Ключевые слова: противопожарная техника, пожаротушение, патент, охраненный документ.

Для цитирования: Головина А.Г., Лысков А.А. Противопожарная техника: инновации XXI века на примере запатентованных в Российской Федерации изобретений и полезных моделей // IP: теория и практика. – 2026. – № 3.

Original article

Fire-fighting: innovations of the 21st century based on examples of inventions and utility models patented in Russia

Alexandra G. Golovina¹, Alexander A. Lyskov²

^{1, 2} Federal Institute of Intellectual Property, Moscow, Russia

¹ Head of the Department of Mining, Construction and Light Industry
agolovina@rupto.ru

<https://orcid.org/0009-0007-6253-8665>

² Chief State Patent Examiner on Intellectual Property of the Department of Mining, Construction and Light Industry, PhD of Technical Sciences
aleksandr.lyskov@rupto.ru

<https://orcid.org/0009-0003-1399-7647>

Abstract. Based on analytical tools and patent data, a picture has been formed of innovations in technical solutions in the field of fire fighting equipment in the 21st century, represented by inventions and utility models patented in the Russian Federation. The number of patents for inventions and utility models is one of the indicators of the development of branches of technology, including fire fighting equipment. The trajectories of patenting in the field of fire fighting equipment and key patent holders have been identified.

Keywords: fire-fighting, fire prevention, patent, protection document.

For citation: Golovina A.G., Lyskov A.A. Fire-fighting: innovations of the 21st century based on examples of inventions and utility models patented in Russia // IP: theory and practice. 2026. No. 3.

Введение

На протяжении всей истории человечество предпринимает меры борьбы с огнем, разрабатывает новые способы сдерживания, предотвращения и тушения пожаров, новые технические средства, позволяющие безопасно и эффективно тушить пожары, проводить аварийно-спасательные работы.

Для реагирования на возникающие угрозы во всем мире особое внимание уделяется развитию науки и техники в области обеспечения

пожарной безопасности, защиты от рисков возникновения пожара и пожаротушения [1].

Вместе с тем современный образ жизни диктует и новые вызовы перед областью противопожарной техники. К примеру, аккумуляторы подвержены риску возгорания. В научной периодике этой теме уделяется большое внимание, вследствие широкого распространения в промышленности, транспорте и товарах потребления аккумуляторов. Поэтому способы и средства для их тушения являются актуальными [2].

От деятельности изобретателей зависит прогресс в области противопожарной техники. В современных реалиях для противопожарной техники важно усиливать и поддерживать интенсивность научных исследований, создавать передовые разработки, вести интеллектуальную деятельность, поддерживать инновации и научно-технологическое развитие страны [3].

Методы

На основе выходных данных патентных и патентно-аналитических поисковых систем были использованы методы анализа – количественного, логического. Также использованы сравнительный метод, метод обобщения с целью нахождения направлений, групп и областей в патентовании, ведущих разработчиков-исследователей в области противопожарной техники.

Основное исследование

Представим оценочную динамику патентов на объекты – изобретения и полезные модели в области противопожарной техники, действовавших или действующих на территории Российской Федерации. В этом случае в качестве таких охранных документов будут рассмотрены патенты РФ на изобретения и полезные модели, а также евразийские патенты на изобретения.

Оценочные статистические результаты в данном исследовании представлены по выходным данным следующих поисковых систем: Orbit Intelligence, платформа Роспатента, Patsearch, Espacenet.

В действующей на 2026 г. редакции Международной патентной классификации (далее – МПК) раздел «А» относится к удовлетворению жизненных потребностей человека. Далее, раздел «А62» относится к спасательной службе и противопожарным средствам. Более подробный подраздел «А62С» включает в себя противопожарную технику. Именно этот подраздел МПК «А62С» принят для анализа в качестве определяющего. В работе предполагается, что наполнение этого подраздела МПК патентами на изобретения и полезные модели показывает уровень заинтересованности в охраноспособных продуктах у изобретателей в области противопожарной техники, которая предназначена для предотвращения, ограничения развития, тушения пожара, а также защиты людей и материальных ценностей от огня.

На рис. 1 представлено количество охранных документов (включающих патенты РФ на изобретения и полезные модели, а также евразийские патенты на изобретения) по классам МПК, входящим в подраздел «А62С» за XXI в. (2000–2025 гг. включительно).

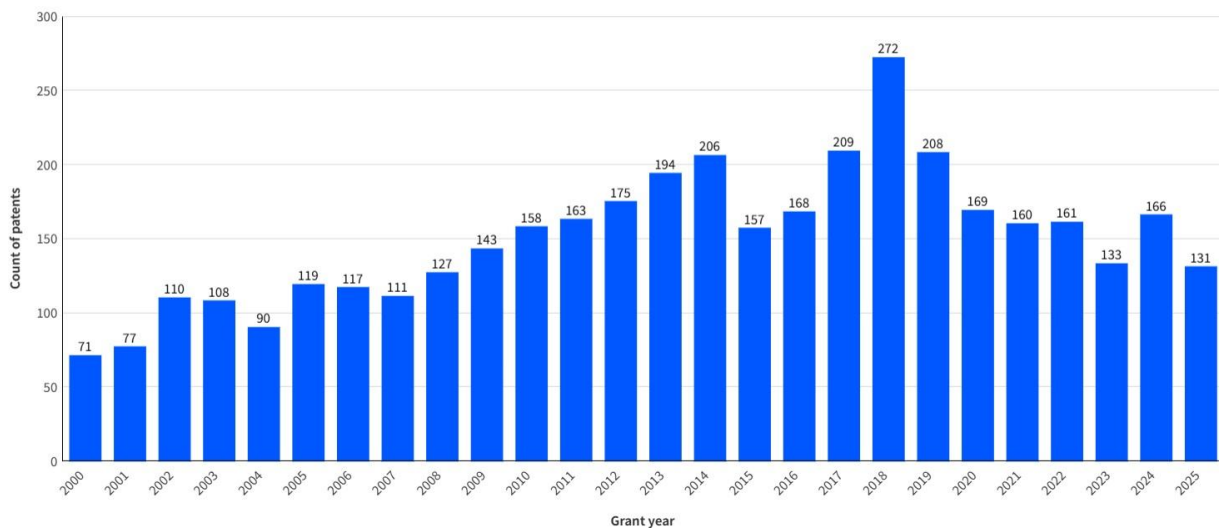

Рис. 1. Распределение запатентованных в РФ изобретений и полезных моделей в разделе МПК А62С за 2000–2025 гг.

Из рис. 1 следует, что количество патентов на протяжении всего указанного периода находится на высоком уровне и достигает своего пика

(более 270 патентов в год) в 2018 г. По сравнению с этим пиковым значением количество опубликованных патентов в последующие годы хотя и снижалось, но оставалось значительным – более 130 патентов в год. Общей тенденцией для всего периода 2000–2025 гг. является относительное сохранение высокой патентной активности.

Анализ динамики числа патентов в области противопожарной техники показывает, что патенты демонстрируют прогресс в области инженерии противопожарной безопасности и свидетельствуют о том, что исследования в этой области продолжаются и направлены на создание новых технологий и устройств для повышения уровня безопасности и эффективности противопожарной защиты.

Суммарно за 2000–2025 гг. было выдано 3903 патента на изобретения и полезные модели в области противопожарной техники, действующих на территории РФ (это патенты РФ и евразийские патенты).

Основная их часть (3829 единиц, что составляет 98% от общего числа патентов с действием на территории РФ) является патентами РФ на изобретения (2400 единиц) и полезные модели (1429 единиц).

Евразийские патенты в области противопожарной техники на исследуемый период представлены 74 изобретениями, что составляет 2% от общего числа патентов с действием на территории РФ. На рис. 2 показано распределение евразийских патентов в области противопожарной техники по годам. Указанные за 2000–2025 гг. патенты распределены по годам с тенденцией на постепенное увеличение их количества – пик приходится на 2025 г. (11 единиц).

Из всех патентов РФ (3829 единиц) в области противопожарной техники 63% приходится на изобретения и 37% – на полезные модели. Отметим, что изобретение – это техническое решение, относящееся к продукту (устройству, комплексу, системе), способу или применению по определенному назначению; полезная модель – это техническое решение, относящееся только к устройству. Относительно высокая доля патентов на полезные модели (37%

от общего числа патентов РФ) связана с характером инновационных разработок в области противопожарной техники – в большей своей массе это продукт (устройство, система, комплекс).

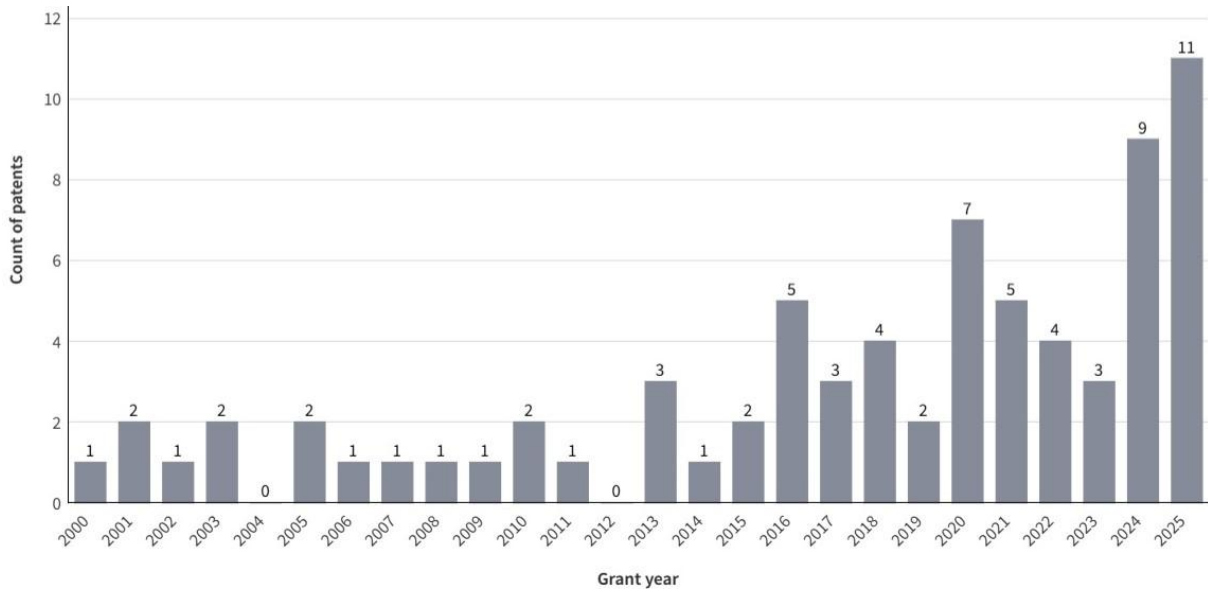

Рис. 2. Распределение евразийских патентов на изобретения в подразделе МПК «А62С» за 2000–2025 гг.

В числе найденных патентов есть документы с отечественными патентообладателями – резидентами и с иностранными – нерезидентами. Для области противопожарной техники характерно высокое преобладание резидентов по сравнению с нерезидентами. Так, из общего числа около 3900 вышеупомянутых патентов только около 600 патентов принадлежат иностранцам, что составляет всего 15% от общего числа. Остальные 85% от общего числа патентов принадлежат российским разработчикам.

Такая относительно невысокая доля нерезидентов может говорить о том, что противопожарная техника не является полностью зависимой от нерезидентов и отечественные патентообладатели контролируют интеллектуальную собственность в этой области.

Для сравнения, в другом уровне техники, отличном от противопожарной, например в области уплотнений скважинного

оборудования нефтегазодобычи, на иностранных обладателей приходится около 20% от всего объема охранных документов примерно за этот же период.

Анализ сущности исследованных изобретений и полезных моделей в области противопожарной техники показал следующее.

По характеристике объектов патентования в области противопожарной техники по своему назначению, из запатентованных технических решений были выделены следующие основные группы:

- 1) предотвращение пожара или сдерживание огня;
- 2) пожаротушение на особых объектах или местностях;
- 3) приготовление огнегасительных материалов перед использованием;
- 4) переносные огнетушители;
- 5) противопожарные транспортные средства;
- 6) подача огнегасительного материала;
- 7) вспомогательные принадлежности для пожарных рукавов;
- 8) стационарное оборудование;
- 9) управление противопожарной техникой.

Количество патентов в XXI веке (2000–2025 гг. включительно) в области противопожарной техники, распределенных по назначению на вышеупомянутые девять групп, показано на рис. 3.

Анализ рис. 3 показал высокий уровень числа патентов, относящихся к пожаротушению на особых объектах или местностях (1050 единиц – из них 790 изобретений и 260 полезных моделей, например – устройство тушения полевых пожаров, способ тушения горящих фонтанов на нефтяных и газовых скважинах) и к подаче огнегасительного материала (727 единиц – из них 557 изобретений и 170 полезных моделей, например – лафетный ствол воздушно-механической пены, способ напорного дозирования пенообразователя для установок автоматического пожаротушения и устройство для его осуществления). Меньше (688 единиц – из них 428 изобретений и 260 полезных моделей) технических решений приходится на различное

стационарное оборудование (например – напольная установка пожаротушения, автоматический модуль для тушения пожара).

Рис. 3. Распределение по назначению охранных документов в области противопожарной техники, опубликованных за 2000–2025 гг.

Управление противопожарным оборудованием является актуальным направлением в сфере пожарной безопасности. Это связано с необходимостью проведения постоянных технологических изменений и повышения эффективности систем и обеспечения безопасности людей.

Патенты, связанные с управлением противопожарным оборудованием, были условно разбиты на три основных развивающихся направления:

- 1) противопожарное оборудование, снабженное выходным устройством, содержащим датчик, или само являющееся датчиком, т.е. автономные разбрызгиватели (далее – противопожарное оборудование с датчиком на выходном устройстве);
- 2) управление с сигналом возбуждения, генерируемым чувствительным элементом независимо от выходного устройства;
- 3) контрольные или индикаторные устройства для определения положения готовности оборудования.

Количество опубликованных в 2000–2025 гг. патентов, относящихся к управлению противопожарным оборудованием по вышеупомянутым трем основным развивающимся направлениям, показано на рис. 4.

Рис. 4. Распределение охранных документов, касающихся управления противопожарным оборудованием, опубликованных за 2000–2025 гг.

На рис. 4 видно, что высока доля технических решений, приходящихся на противопожарное оборудование с датчиком на выходном устройстве (230 единиц, или 44% от общего числа патентов, касающихся управления противопожарным оборудованием). Указанное оборудование, в том числе автоматические оросители с тепловым замком, которые срабатывают при достижении определенной температуры, запуская подачу огнетушащего вещества (так называемые спринклеры), остаются самыми используемыми в системах пожаротушения промышленных объектов. Поэтому эти патенты развиваются наиболее интенсивно среди массива технических решений, касающихся управления противопожарным оборудованием.

Из патентов, имеющих отношение к управлению противопожарным оборудованием, ощутимый интерес также представляет управление с сигналом возбуждения, генерируемым чувствительным элементом независимо от выходного устройства (50 единиц, или 10%), а также контрольные или индикаторные устройства для определения положения готовности оборудования (36 единиц, или 7%).

В настоящее время широкое распространение получили устройства для подачи огнегасительного состава, а именно сопла или насадки, специально

предназначенные для пожаротушения, позволяющие формировать струи различного вида.

Из числа патентов, касающихся сопел или насадок для пожаротушения, по их конструктивным особенностям были условно выделены пять основных видов:

- 1) регулируемые (например, преобразующие брызги в струю и наоборот);
- 2) с двумя и более выпускными отверстиями; для различных веществ;
- 3) для подачи пены или распыленной пены;
- 4) специально приспособленные для пробивания стен, сваленных в кучу материалов и т.п.;
- 5) прикрепляемые к лестницам, шестам, башням или другим конструкциям.

На рис. 5 представлено число патентов по основным развивающимся видам сопел или насадок для пожаротушения за 2000–2025 гг. Отсюда следует, что высока доля технических решений, приходящихся на конструктивные особенности сопел или насадок для пожаротушения, связанные с возможностью подачи пены или распыленной пены (106 единиц, или 20% от общего числа патентов на сопла или насадки для пожаротушения).

Рис. 5. Распределение охранных документов, опубликованных

за 2000–2025 гг. по основным видам сопел или насадок для пожаротушения

Менее заполнены охранными документами такие виды противопожарной техники, как: сопла или насадки с двумя и более выпускными отверстиями; для различных веществ (35 единиц, или 6%); сопла или насадки, прикрепляемые к лестницам, шестам, башням или другим конструкциям (17 единиц, или 3%); регулируемые сопла или насадки (15 единиц, или 3%); специально приспособленные сопла или насадки для пробивания стен и т.п. (5 единиц, или 1%). Конкуренция на рынке среди таких конструкций невелика, и разработчикам этих видов техники легче будет распределить свои интеллектуальные возможности.

Анализ обладателей патентов, опубликованных в 2000–2025 гг. в области противопожарной техники выявил несколько обладателей патентов – лидеров. По количеству лидируют российские производственные компании и федеральные учреждения, специализирующиеся на противопожарной технике. Сведения об основных отечественных обладателях охранных документов в области противопожарной техники в XXI в. (2000–2025 гг. включительно) показаны в таблице 1. При этом для представленных основных российских патентообладателей характерно патентование по всем направлениям в области противопожарной техники, что может указывать на отсутствие ниши, не занятой отечественными патентообладателями.

Таблица 1

Основные российские патентообладатели

Патентообладатель	Кол-во патентов
Производственное объединение «Спецавтоматика»	147
НПО «Современные пожарные технологии»	80
ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт противопожарной обороны Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий»	71
Инженерный центр пожарной робототехники «ЭФЭР»	28

ПО «Спецавтоматика» (г. Бийск) – одно из основных предприятий Алтайского полимерного композитного кластера, выпускаемая номенклатура которого составляет более 3000 изделий и позволяет полностью обеспечить потребителя всей необходимой элементной базой для комплектации систем пожаротушения [4]. Ежегодное патентование разработок подтверждает статус ПО «Спецавтоматика» как одного из ведущих предприятий по выпуску широкой номенклатуры технических средств для автоматических систем водяного и пенного пожаротушения и охранно-пожарной сигнализации.

НПО «Современные пожарные технологии» разрабатывает и внедряет инновационные технологии пожаровзрывопредотвращения и тушения пожаров, в том числе специализируется на технологии тушения пожаров быстротвердеющей пеной, гибридной пеной [5]. Компания разработала и производит инновационный тип воздушно-пенных огнетушителей – огнетушителей твердопенного тушения, предназначенных для тушения пожаров твердых горючих материалов быстротвердеющей пеной. Быстротвердеющая пена – это двухкомпонентная композиция (смесь) на основе оксида кремния. Она представляет собой огнетушащую пену, в которой в процессе ее получения и подачи протекает процесс полимеризации. Так, она из обычной воздушно-механической пены переходит в твердое состояние, поэтому обладает термостабильностью и механической прочностью, длительное время не разрушается под воздействием открытого пламени.

ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт противопожарной обороны Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» является одним из крупнейших в мире центров научных разработок в области пожарной безопасности, создания и внедрения технических средств пожарной охраны, защиты имущества собственников от пожаров. Инженерный центр

пожарной робототехники «ЭФЭР» разрабатывает и производит лафетные и ручные стволы, пожарные роботы, роботизированные установки пожаротушения, продукция компании широко применяется в комплексных системах противопожарной защиты крупных промышленных зданий и сооружений, на объектах нефтегазовой промышленности, на передвижной пожарной технике. ФГУ «Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России» специализируется в области науки и технологий по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Сведения об основных иностранных обладателях патентов (нерезидентах) в области противопожарной техники в XXI в. приведены в таблице 2. Они патентуют в основном решения, связанные со стационарным оборудованием – система газового пожаротушения, потолочная спринклерная система, установка пожаротушения с подачей водной жидкости и т.п. По указанной тематике, которая относится к подразделу МПК «А62С35», на исследуемый период выявлено, что 115 из 557 патентов принадлежат иностранным патентообладателям – нерезидентам, что составляет 21% от общего числа запатентованных технических решений. Остальные 79% от общего числа патентов с действием на территории РФ принадлежат отечественным разработчикам. То есть указанное направление является весьма актуальным для нерезидентов.

Таблица 2

Основные иностранные патентообладатели

Патентообладатель	Кол-во патентов
МАРИОФФ КОРПОРЕЙШН ОЙ (FI)	44
АМРОНА АГ (CH)	25
ТАЙКО ФАЙЭР ПРОДАКТС ЛП (US)	21
ЭЙРБАС ДОЙЧЛАНД ГМБХ (DE)	9
КИДДЕ ТЕКНОЛОДЖИЗ ИНК (US)	9

Отметим, что одним из критериев качественной оценки инновационной деятельности является период действия исключительного права на

изобретение и полезную модель. Так, согласно положениям ст. 1363 ГК РФ максимальный срок действия для изобретений составляет 20 лет, а для полезных моделей – 10 лет, с некоторыми исключениями, касающимися продления срока действия изобретений более 20 лет для лекарственных средств, пестицидов или агрохимикатов. Для поддержания патента в силе патентообладатели оплачивают годовые пошлины. Если по каким-либо причинам такие пошлины не оплачиваются, то патент теряет статус действующего до истечения его максимального срока действия. После прекращения действия исключительного права патент переходит в общественное достояние, исключительное право на него прекращается. На практике высока доля патентов, действующих по времени менее их максимально возможного срока действия.

Анализ патентных охранных документов в области противопожарной техники за период 2000–2025 гг. показал, что из них около 1400 патентов имеют статус действующих. В их числе имеются патенты, которые на протяжении длительного времени являются действующими, – есть даже такие, которые действуют все максимально возможные 20 лет для изобретений или 10 лет для полезных моделей. Например:

- патент на изобретение RU 2344859 С2 «Способ обнаружения пожара и интеллектуальная станция управления для осуществления способа», опубл. 27.01.2009 (действует последний 20-й год), патентообладатель – ПО «Спецавтоматика»;

- патент на изобретение RU 2379080 С1 «Спринклерный ороситель с управляемым пуском», опубл. 20.01.2010 (действует последний 20-й год), патентообладатель ООО «Холдинг Гефест»;

- патент на изобретение RU 2394724 С2 «Способ и вертолетное устройство комбинированного тушения пожаров лесных массивов и промышленных объектов (варианты)», опубл. 20.07.2010 (действует последний 20-й год), патентообладатель – НПО «Современные пожарные технологии» (СОПОТ).

Эти изобретения относятся к способам и устройствам обеспечения пожарной безопасности (RU 2344859 C2), средствам для предотвращения или сдерживания огня (RU 2379080 C1), а также к способу и оборудованию тушения крупномасштабных пожаров (RU 2394724 C2); их техническими результатами являются повышение достоверности обнаружения пожара, возможность дистанционного управления и контроля состояния оросителя, повышение эффективности одновременного тушения и верховых, и низовых пожаров, соответственно.

С высокой степенью вероятности объем прав, охраняемый формулами этих патентов, представляет практическую значимость при эксплуатации и производстве [4]. Патентообладатели поддерживают в силе эти патенты путем оплаты годовых пошлин вплоть до максимально возможного срока действия исключительного права. Поэтому можно заключить, что они нужны разработчику, играют значимую роль, имеют коммерческую ценность.

Многолетний опыт экспертизы по существу заявок на изобретения и полезные модели в области противопожарной техники показывает, что среди последних инновационных совершенствований противопожарной техники можно выделить следующие актуальные направления:

- создание роботизированных средств взрывопожаропредотвращения и химической защиты (например, патенты RU 234033 U1, RU 2553016 C1);
- тушение аккумуляторов (например, патенты RU 2843121 C1, RU 240860 U1);
- тушение пожаров быстротвердеющей пеной, гибридной пеной (например, патенты RU 226208 U1, RU 236476 U1);
- создание огнетушащего аэрозоля при помощи горения (например, патенты RU 221702 U1, RU 2788244 C1);
- в электрооборудовании наметилась тенденция к развитию небольших устройств с находящимися внутри них огнетушащими веществами (например, патенты RU 2781652 C1, RU 233054 U1);

– взрывные баллоны, бросаемые в огонь (например, патент RU 2831191 C1).

Продолжают развиваться, совершенствоваться, автоматизироваться и традиционные направления противопожарной техники, в том числе такие, как оборудование для сматывания рукавов, ручные огнетушители, устройства срабатывания и распыления огнегасительного состава, создание встречного пала (например, патенты RU 2853711 C1, RU 2846955 C1)¹.

Заключение

На основе аналитических инструментов и патентных данных сформирована картина инноваций технических решений в области противопожарной техники в XXI в., представленных запатентованными в РФ изобретениями и полезными моделями.

Количество патентов на протяжении всего исследуемого периода находится на весьма высоком уровне.

Для области противопожарной техники среди патентов, действующих или действовавших на территории РФ за указанный период, характерен перевес отечественных обладателей по сравнению с зарубежными.

Выявлены направления патентования в области противопожарной техники. Так, высоко число технических решений для пожаротушения именно на особых объектах или местностях. Среди патентов, касающихся управления противопожарным оборудованием, самый большой интерес представляет противопожарное оборудование, снабженное выходным устройством, содержащим датчик, или само являющееся датчиком. Из конструктивных особенностей сопел или насадок, специально предназначенных для пожаротушения, максимальное количество изобретений и полезных моделей в XXI в., распространяющих свое действие на территории РФ, опубликовано

¹ С сущностью указанных в исследовании патентов можно ознакомиться по их номерам, например, на сайте ФГБУ ФИПС в разделе «Открытые реестры».

среди сопел или насадок, выполненных с возможностью подачи пены или распыленной пены.

Выявлены основные патентообладатели в области противопожарной техники – российские производственные компании и федеральные учреждения, специализирующиеся на противопожарной технике, отмечены инновационные решения и тенденции совершенствования противопожарного оборудования.

Список источников

1. Гусев И.А. Современные направления в области разработки и создания пожарной техники (часть 1) / И.А. Гусев, С.С. Носков, И.А. Ольховский // Пожары и чрезвычайные ситуации: предупреждение, ликвидация. – 2024. – № 2. – С. 46–54.
2. Орлов О.И. Пожарная опасность литий-ионных аккумуляторов / О.И. Орлов, В.А. Комельков, Д.В. Сорокин // Современные проблемы гражданской защиты. – 2023. – № 4 (49). – С. 177–189.
3. Головина А.Г. Стратегия патентования изобретений и полезных моделей в области горного дела на примере российских компаний / А.Г. Головина, А.А. Лысков // IP: теория и практика. – 2024. – № 4 (8). – С. 28–41.
4. Патентование инноваций – обычное дело для Спецавтоматики. URL: <https://innovaltai.ru/news/detail.php?ID=1092> (дата обращения: 01.06.2026).
5. Преснов А.И. Огнетушители: исторические аспекты, современное состояние, инновационные решения, требования законодательства / А.И. Преснов, М.А. Марченко, А.А. Печурин // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. – 2020. – № 4. – С. 40–50.

References

1. Gusev I.A., Noskov S.S., Olkhovsky I.A. Modern trends in developing and manufacturing firefighting appliances (part 1). *Pozhary i chrezvychaynyye situatsii: predotvrashcheniye, likvidatsiya* = *Fire and emergencies: prevention, elimination*. 2024. No. 2. P. 46–54. DOI:10.25257/FE.2024.2.46-54 (in Russ.).
2. Orlov O.I., Komelkov V.A., Sorokin D.V. Fire hazard of lithium-ion cell. *Sovremennye problemy grazhdanskoj zashchity* = *Modern problems of civil protection*. 2023. No. 4 (49). P. 177–189 (in Russ.).
3. Golovina A.G., Lyskov A.A. The strategy of patenting inventions and utility models in the field of mining on the example of Russian companies. *IP: teoriya i praktika* = *IP: theory and practice*. 2024. No. 4 (8). P. 28–41 (in Russ.).

4. *Patentovanie innovacij – obychnoe delo dlya Specavtomatiki = Patenting innovations is a common thing for Specavtomatika.* URL: <https://innovaltai.ru/news/detail.php?ID=1092> (date of access: 01.06.2026) (in Russ.).

5. Presnov A.I., Marchenko M.A., Pechurin A.A. Fire extinguishers: historical aspect, current state, innovative solution, legal requirement. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MChS Rossii = Vestnik Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia.* 2020. No. 4. P. 40–50 (in Russ.).

Статья поступила: 29.06.2026, принята к публикации: 15.09.2026.

© Головина А.Г., Лысков А.А., 2026

Научная статья

УДК 347.77

DOI: [https://doi.org/ 10.68333/2949-284X.2026.21.28.006](https://doi.org/10.68333/2949-284X.2026.21.28.006)

**Распоряжение правами на средства индивидуализации в контексте
договора коммерческой концессии**

Наталья Юрьевна Сергеева¹, Марианна Валерьевна Урбах²

¹ Российская государственная академия интеллектуальной
собственности

Москва, Россия

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Гражданского
и предпринимательского права

<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>

nskafedra@bk.ru

² Адвокатская палата города Москвы

Москва, Россия

Адвокат, юрист по интеллектуальным правам

<https://orcid.org/0000-0009-0866-5326>

urbahm@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные теоретические и практические проблемы, возникающие в связи с заключением договора коммерческой концессии в контексте предоставления по нему исключительных прав на средства индивидуализации. Анализируя действующее законодательство и правоприменительную практику, авторы выявляют специфику названных прав применительно к данному договору, а также исследуют вопрос о том, возможно ли применение норм о договоре коммерческой концессии к правоотношениям сторон в случае, если предоставленное по нему право на товарный знак еще не возникло, а сам знак находится на стадии рассмотрения заявки.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, коммерческая концессия, франчайзинг, предмет договора, распоряжение исключительным правом, товарный знак, коммерческое обозначение, НМПТ, географическое указание, фирменное наименование, сделка под условием.

Финансирование: Настоящее исследование выполнено в рамках НИР «Франчайзинг: эффективные модели и перспективы развития в Российской Федерации» (3-ГЗ-2024-2).

Для цитирования: Сергеева Н.Ю., Урбах М.В. Распоряжение правами на средства индивидуализации в контексте договора коммерческой концессии // IP: теория и практика. – 2026. – № 3.

Original article

Natalia Yu. Sergeeva¹, Marianna V. Urbakh²

¹ Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia
Associate Professor of the Department of Civil and Business Law
PhD in Law, Associate Professor,
<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>
<https://orcid.org/0000-0003-3964-7904>
nskafedra@bk.ru

² Moscow City Bar Association, Moscow, Russia
Attorney, Intellectual Property Lawyer
<https://orcid.org/0000-0009-0866-5326>
urbahm@mail.ru

Disposal of rights to means of individualization in the context of a commercial concession agreement

Abstract. This article examines specific theoretical and practical issues arising in connection with the conclusion of a commercial concession agreement in the context of the granting of exclusive rights to various means of individualization. By analyzing current legislation and law enforcement practice, the authors identify the specifics of these rights as they apply to this agreement and examine whether the provisions of a commercial concession agreement can be applied to the legal relations of the parties if the trademark right granted under the agreement has not yet arisen and the trademark itself is pending application review.

Keywords: intellectual property, commercial concession, franchising, subject of the contract, disposal of an exclusive right, trademark, commercial designation, designation of origin, geographical indication, trade name, conditional deal.

Funding: The study was carried out within the framework of the research project "Franchising: Effective Models and Development Prospects in the Russian Federation" (3-GZ-2024-2).

For citation: Sergeeva N.Yu., Urbakh M.V. Disposal of rights to means of individualization in the context of a commercial concession agreement // IP: theory and practice. 2026. No. 3.

Введение

Договор коммерческой концессии (глава 54 Гражданского кодекса Российской Федерации; далее – ГК РФ) берет свое начало в таком способе ведения предпринимательской деятельности, как франчайзинг.

Англо-саксонский термин franchising имеет французское происхождение, поскольку он возник на основе французского глагола francher, означающего «делать свободным», «предоставлять привилегию». При феодальном строе монархи или сеньоры отказывались от части своих прав за соответствующую плату в пользу свободных городов (villefranches) или некоторых профессиональных гильдий (corps de metiers), предоставляя им соответственно хартии (chartes) или свободные грамоты (letters de franchise). Затем термин franchise стал применяться в смысле предоставления государственной привилегии (концессии) [1].

В настоящее время ВОИС определяет франчайзинг как систему, «при которой хозяйствующий субъект (владелец франшизы), разработавший определенный способ ведения бизнеса, расширяет этот бизнес путем предоставления другим реальным или потенциальным предпринимателям (пользователям франшизы) право использовать проверенную модель бизнеса владельца франшизы в другом месте в течение определенного периода времени в обмен на оплату первоначального и текущих взносов. Наряду с правом на использование бизнес-модели владелец франшизы позволяет пользователю использовать интеллектуальную собственность и ноу-хау владельца франшизы, а также обеспечивает первоначальное и текущее обучение и поддержку. По сути, успешный бизнес воссоздается и управляется

пользователем франшизы под надзором, контролем и помощью владельца франшизы» [2].

Основной смысл франчайзинговых отношений состоит в достижении бизнес-целей как правообладателя (владельца франшизы), так и пользователя (франчайзи). Так, франчайзер (правообладатель) без дополнительных вложений финансовых ресурсов может при помощи заключенного в этой связи договора нарастить рыночную долю, освоить новые регионы, выстроить широкую сеть заведений (будь то рестораны, салоны красоты или клиники), а главное – получить прибыль в форме вознаграждения и еще большую известность товаров и услуг на рынке. В качестве франчайзи, как правило, выступает субъект предпринимательства меньшего масштаба.

Таким образом, основная суть франчайзинга сводится к взаимовыгодному партнерству субъектов предпринимательской деятельности, при котором владелец бренда обеспечивает масштабирование своего бизнеса за счет франчайзи, а тот в свою очередь снижает неопределенность старта и быстрее выходит на прибыль. Как справедливо отмечается в доктрине, «такой формат предпринимательства... требует значительных вложений для запуска бизнеса, однако в этом случае не требуются инвестиции в раскрутку проекта, поскольку он уже зарекомендовал себя на рынке и имеет лояльную покупательскую аудиторию» [3]. При этом именно благодаря полученному комплексу исключительных прав и, прежде всего, правам на средства индивидуализации, у пользователя франшизы отсутствует необходимость затрачивать время и ресурсы на продвижение собственного бренда. Он уже создан и работает на него.

В разных юрисдикциях данный способ ведения бизнеса оформляется через различные договорные конструкции, имеющие сходную идею, но при этом свою собственную специфику. Их основная цель состоит в сокращении пути товара и услуги от предпринимателя к потребителю при охвате наибольшей территории. При этом в российском правовом поле такой правовой конструкцией, как было отмечено ранее, является договор

коммерческой концессии. В доктрине он справедливо рассматривается как один из юридических инструментов организации бизнеса [4].

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим отдельные теоретические и практические проблемы, возникающие в связи с заключением договора коммерческой концессии в контексте предоставления по нему исключительных прав на различные средства индивидуализации, а также выявим специфику названных прав в рамках указанной сделки. Кроме того, мы исследуем вопрос о том, возможно ли применение норм о договоре коммерческой концессии к правоотношениям сторон в случае, если предоставленное по нему право на товарный знак еще не возникло, а сам знак находится на стадии рассмотрения заявки.

Методы

В процессе исследования были применены методы логического и системного анализа, а также сравнительный метод с целью выявления особенностей предоставления исключительных прав на различные средства индивидуализации в контексте договора коммерческой концессии.

Основное исследование

Договор коммерческой концессии и исключительное право на товарный знак. Как уже было отмечено ранее, в ГК РФ договору коммерческой концессии посвящена глава 54, которая называется «Коммерческая концессия». В указанной главе содержится четырнадцать статей, которые неоднократно исследованы в доктрине [5].

Исходя из ст. 1027 ГК РФ под договором коммерческой концессии следует понимать соглашение, по которому одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты

исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау). Далее, из п. 2 ст. 1027 ГК РФ, следует, что договор предусматривает использование комплекса исключительных прав, деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя в определенном объеме (в частности, с установлением минимального и (или) максимального объема использования), с указанием или без указания территории использования применительно к определенной сфере предпринимательской деятельности (продаже товаров, полученных от правообладателя или произведенных пользователем, осуществлению иной торговой деятельности, выполнению работ, оказанию услуг). При этом такое использование возможно только за вознаграждение (ст. 1030 ГК РФ).

Исходя из изложенного, можно заключить, что существенным условием данной сделки является условие о комплексе исключительных прав, которые обязательно должны включать право на товарный знак, сферу предпринимательской деятельности пользователя и вознаграждение (цена). Сама же сделка является консенсуальной, возмездной и взаимной, а ее форма исключительно письменной (ст. 1028 ГК РФ).

Таким образом, приведенные выше положения ГК РФ позволяют сделать промежуточный вывод о том, что основным видом интеллектуальной собственности, без предоставления прав на который договор коммерческой концессии не может рассматриваться таковым, является товарный знак (знак обслуживания). Как отмечено в этой связи в п. 3.4.1 Рекомендаций по вопросам проверки договоров о распоряжении исключительным правом на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, утвержденных приказом Роспатента от 29.12.2009 № 186, «в соответствии с действующим законодательством договор, по которому предоставляется право на использование только коммерческого обозначения и секрета производства (ноу-хау) и не предоставляется право на использование товарного знака, не может рассматриваться как договор коммерческой концессии».

Суды подтверждают сделанный вывод.

Так, Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) в определении от 26.08.2015 № 304-ЭС15-5828 указал, что при квалификации спорного договора как договора коммерческой концессии суду следует установить, на какой конкретно товарный знак (знак обслуживания) предоставляются права по договору, является ли сторона по договору правообладателем какого-либо зарегистрированного товарного знака, права на использование которого переданы по договору¹. В ином деле, при рассмотрении кассационной жалобы индивидуального предпринимателя Белкина П.К. по иску о расторжении договора коммерческой концессии, ВС РФ указал, что предоставление права использования товарного знака (в комплексе исключительных прав), как соответствующего средства индивидуализации товаров (услуг), относится к отличительным признакам договора коммерческой концессии, являясь существенным условием данной договорной конструкции. В обоснование данной позиции ВС РФ сослался на положение п. 3 ст. 1037 ГК РФ, согласно которому прекращение принадлежащего правообладателю права на товарный знак, когда такое право входит в комплекс исключительных прав, предоставленных пользователю по договору коммерческой концессии, является основанием для прекращения договора в целом². При повторном рассмотрении данного дела Арбитражный суд г. Москвы подчеркнул, что существо конструкции договора коммерческой концессии предполагает реальное предоставление товарного знака³.

Интересно, что указанный подход к квалификации договоров последовательно применяется арбитражными судами и при рассмотрении аналогичных споров. К примеру, в деле по иску ООО «Эффективные технологии» Арбитражный суд г. Москвы квалифицировал договор как

¹ Определение ВС РФ от 26.08.2015 № 304-ЭС15-5828 по делу № А45-13334/2014 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2026).

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.08.2025 № 305-ЭС25 по делу № А40-51724/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2026).

³ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 05.02.2026 по делу № А40-51724/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2026).

лицензионный, поскольку по нему передавалось право использования методических материалов в отсутствие прав на товарный знак⁴. В другом деле в рамках рассмотрения иска ООО «ОЛИМПФУД» о взыскании роялти и неустойки Девятнадцатый арбитражный апелляционный суд пришел к выводу о невозможности применения к спорным правоотношениям норм, регламентирующих договор коммерческой концессии. Причиной послужило отсутствие в договоре условия о предоставлении права использования товарного знака. Суд квалифицировал договор в качестве смешанного, включающего элементы лицензионного договора⁵. Аналогичная правовая позиция продемонстрирована Судом по интеллектуальным правам при разрешении спора по иску ИП Рогачева С.А. к ООО «Новый мир» о признании незаключенным предварительного договора коммерческой концессии. Поскольку у общества не имелось исключительного права на товарный знак, суд также отнес спорное соглашение к категории смешанных договоров, подчеркнув, что отсутствие охраняемого средства индивидуализации исключает квалификацию сделки как договора коммерческой концессии⁶.

Таким образом, системное толкование норм ГК РФ о договоре коммерческой концессии в совокупности с правоприменительной практикой позволяет сделать промежуточный вывод о том, что предоставление по нему права использования только товарного знака (либо комплекса прав без товарного знака) не может подпадать под положения ГК РФ о договоре коммерческой концессии. Суды квалифицируют подобного рода сделки либо как смешанные, либо как договоры с иной правовой природой, к примеру, лицензионные. В случае же, если право на товарный знак во время действия

⁴ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 23.12.2020 по делу № А40-174404/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2026).

⁵ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.12.2020 по делу № А35-840/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2026).

⁶ Постановление СИП от 12.12.2025 по делу № А42-10672/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2026).

договора прекращается, договор коммерческой концессии также подлежит прекращению.

Договор коммерческой концессии и обозначение на стадии рассмотрения заявки. Следующий вопрос, который представляет интерес, состоит в том, можно ли квалифицировать сделку как договор коммерческой концессии в случае, если товарный знак, являющийся ключевым средством индивидуализации, право на который предоставляется в контексте данного договора, еще не является охраняемой интеллектуальной собственностью и находится на стадии рассмотрения заявки?

Смоделируем ситуацию.

Компания А заключила договор коммерческой концессии с компанией Б. При этом в предоставленный комплекс исключительных прав по данной сделке входили права на товарный знак, ноу-хау и коммерческое обозначение. На момент заключения договора стороны исходили из того, что **право на товарный знак возникнет в будущем** (обозначение находится на стадии рассмотрения заявки).

Как квалифицировать названный договор? Соответствует ли он в полной мере требованиям ГК РФ о договоре коммерческой концессии?

Предпримем попытку проанализировать данный вопрос исходя из положений ГК РФ.

Так, по смыслу п. 1 ст. 1232 ГК РФ в случаях, предусмотренных ГК РФ, исключительное право на средство индивидуализации признается и охраняется при условии государственной регистрации такого средства. Процедура государственной регистрации товарного знака предусмотрена ст. 1480 ГК РФ и из нее следует, что государственная регистрация товарного знака осуществляется федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации (далее – Государственный реестр товарных знаков) в порядке, установленном статьями 1503 и 1505 ГК РФ.

С приведенными рассуждениями полностью соотносится п. 155 Постановления Пленума ВС РФ № 10⁷, из которого следует, что «по смыслу положений пункта 1 статьи 1477, статьи 1481, пункта 1 статьи 1484 ГК РФ обозначение, которое заявлено на государственную регистрацию и проходит экспертизу в Роспатенте, до даты его регистрации в Государственном реестре товарных знаков товарным знаком не является... Дата подачи заявки служит лишь моментом отсчета срока действия исключительного права и определяет согласно пункту 1 статьи 1494 ГК РФ дату приоритета (в частности, в целях применения пункта 6 статьи 1483 ГК РФ)».

Как было отмечено ранее, из смысла ст. 1027 ГК РФ следует, что одним из существенных условий договора коммерческой концессии является условие о комплексе исключительных прав, среди которых обязательно должно быть право на товарный знак. При этом, согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ, договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой форме, достигнуто соглашение **по всем** (здесь и далее выделено авт. – *Прим ред.*) существенным условиям договора. Поскольку товарный знак на момент рассматриваемой сделки де-юре не существует, следовательно, права на него передать невозможно, а значит, нельзя согласовать условие о нем на момент заключения сделки. Более того, как уже было рассмотрено выше, в контексте прекращения договора (п. 3 ст. 1037 ГК РФ) отсутствие права на товарный знак является основанием для прекращения договора в целом.

Вместе с тем можно ли говорить об исключении данного риска при условии, что стороны при заключении сделки прямо договорились о предоставлении «будущего» права на товарный знак?

Представляется, что, если в договоре связать момент предоставления права с моментом его возникновения (т.е., с моментом его государственной регистрации), такое условие, на наш взгляд, может иметь место. По сути, здесь можно говорить о сделке под отлагательным условием (п. 1 ст. 157 ГК РФ).

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2026).

Судебная практика подтверждает сделанный вывод. К примеру, в одном из дел Арбитражного суда Приморского края тот факт, что товарный знак фактически был зарегистрирован после заключения договора, не повлиял на его квалификацию в качестве договора коммерческой концессии⁸.

Применительно к близким по смыслу договорам об отчуждении исключительного права и лицензионному договору суды также разделяют данную позицию и указывают на то, что положения статей 1234 и 1235 ГК РФ не исключают возможности заключения договора об отчуждении исключительного права или лицензионного договора, предусматривающих переход исключительного права или предоставление права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, которые будут созданы (возникнут) в будущем. При этом в п. 47 постановления Пленума ВС РФ № 10⁹ также указывается на то, что «с учетом положений п. 4 ст. 1234 и ст. 1235 ГК РФ исключительное право на... средство индивидуализации переходит, а право использования... средства индивидуализации предоставляется в момент, определенный в договоре, но не ранее момента возникновения такого права».

Так, еще в 2017 г., т.е. до принятия названного постановления, Суд по интеллектуальным правам при рассмотрении кассационной жалобы по заявлению частного учреждения дополнительного образования «Лингвистическая школа "Лондон экспресс РМЗ"» пришел к выводу о том, что положения статей 1234 и 1235 ГК РФ не запрещают предоставление права на средство индивидуализации, не существующее на момент заключения договора. Однако, с учетом положений п. 4 ст. 1234 и ст. 1235 ГК РФ, исключительное право на такое средство индивидуализации предоставляется в момент, определенный в договоре, но не ранее момента возникновения

⁸ Решение Арбитражного суда Приморского края от 28.06.2022 по делу № А51-20433/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2026).

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2026).

такого права¹⁰. Помимо этого, в уже упомянутом ранее постановлении Пленума ВС РФ № 10¹¹ дополнительно конкретизировано, что, если средство индивидуализации, которое возникнет в будущем, в соответствии с ГК РФ будет относиться к числу подлежащих государственной регистрации, после такой регистрации отчуждение исключительного права или предоставление права использования данного средства по договору также подлежит государственной регистрации. При этом исключительное право на соответствующее средство индивидуализации переходит от правообладателя к приобретателю, а право использования средства индивидуализации предоставляется в момент государственной регистрации распоряжения исключительным правом. Определенные требования предъявляются и к предмету такого договора. Он должен быть индивидуализирован таким образом, чтобы позволять определить конкретное средство индивидуализации, в отношении права, на которое договор заключается, на момент отчуждения исключительного права на такой объект или предоставления права использования такого объекта в соответствии с данным договором.

Таким образом, сложившийся правоприменительный подход демонстрирует разумный баланс между императивными требованиями к оборотоспособности прав на товарные знаки и диспозитивностью гражданского оборота «будущих» прав на них. Судебная практика признает допустимость договорных конструкций, предусматривающих предоставление прав на средства индивидуализации, права на которые возникнут в будущем. При этом легитимность такой конструкции обусловлена соблюдением двух ключевых условий. Во-первых, предмет договора должен быть надлежащим образом индивидуализирован так, чтобы на момент его заключения можно было однозначно установить, в отношении какого средства индивидуализации

¹⁰ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21.03.2017 № С01-148/2017 по делу № А63-2528/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2026).

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2026).

осуществляется предоставление права. Во-вторых, реализация права на средство индивидуализации неразрывно сопряжена с моментом его возникновения, т.е. в случае товарного знака – с датой такой регистрации. Такая сделка, на наш взгляд, отвечает общим требованиям п. 1 ст. 157 ГК РФ о сделке под отлагательным условием и может быть заключена.

Договор коммерческой концессии и права на иные средства индивидуализации. Еще одним возможным средством индивидуализации, права на которое могут быть предоставлены в комплексе исключительных прав по договору коммерческой концессии, является коммерческое обозначение. Под ним следует понимать «средство индивидуализации одного или группы действующих предприятий (имущественных комплексов), имеющее определенную форму и известность употребления на определенной территории, не подлежащее обязательной государственной регистрации, правообладатель которого, являясь юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, обладает исключительным правом на него и может передать его в составе имущественного комплекса предприятия при осуществлении предпринимательской деятельности» [6].

Объектами индивидуализации коммерческого обозначения, согласно п. 1 ст. 1538 ГК РФ, являются торговые, промышленные и другие предприятия (имущественные комплексы). Как следует из ст. 132 ГК РФ, такое предприятие признается недвижимостью, что, в свою очередь, предполагает необходимость его учета (п. 2 ст. 131 ГК РФ). Кроме этого, право собственности на данную недвижимую вещь подлежит государственной регистрации (п. 1 ст. 131 ГК РФ), имеющей в этой связи правоустанавливающее значение (п. 2 ст. 8.1 ГК РФ). Таким образом, получается, что формально исключительное право на данный вид интеллектуальной собственности может существовать только в том случае, если право зарегистрировано на конкретный имущественный комплекс, поставленный на кадастровый учет, что формально делает данное средство индивидуализации неактуальным для предпринимателей. В этой связи достаточно интересный подход к решению названного вопроса

демонстрирует сегодня правоприменительная практика, предпринимающая попытки реанимировать данное средство индивидуализации. Она формирует позицию, согласно которой для доказательства наличия у предпринимателя объекта индивидуализации – предприятия стало достаточным подтверждение прав на входящую в него совокупность элементов, и, прежде всего, объектов недвижимости¹². Указанный подход воспринят и административным органом по интеллектуальной собственности¹³.

Применительно же к предоставлению исключительного права на коммерческое обозначение в рамках договора коммерческой концессии следует подчеркнуть его ограничение, которое установлено действующим законодательством. Так, в частности, исходя из п. 4 ст. 1539 ГК РФ исключительное право на коммерческое обозначение может перейти к другому лицу (в том числе, по договору, в порядке универсального правопреемства и по иным основаниям, установленным законом) только в составе предприятия, для индивидуализации которого такое обозначение используется. По сути, сказанное означает, что в рамках договора коммерческой концессии невозможно передать права на коммерческое обозначение в отрыве от предприятия (имущественного комплекса).

Что же касается иных средств индивидуализации, которые перечислены в ст. 1225 ГК РФ и главе 76 ГК РФ соответственно, то среди них имеются некоторые виды интеллектуальной собственности, правами на которые распорядиться невозможно, поскольку они выведены законодателем из

¹² См., например: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.12.2022 по делу № СИП-388/2022; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.04.2022 по делу № СИП-683/2022; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.11.2023 по делу № СИП-1056/2022; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.05.2023 по делу № СИП-759/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.08.2026).

¹³ См., например: заключение Палаты по патентным спорам от 12.05.2023 (Приложение к решению Роспатента от 26.06.2023 по заявке № 2022700445) «О признании предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным полностью». URL: https://www.fips.ru/pps/26_06_23/2023B00250.pdf (дата обращения: 06.08.2026), заключение Палаты по патентным спорам от 29.11.2023 (Приложение к решению Роспатента от 28.12.2023 по заявке № 2017719416). URL: https://www.fips.ru/pps/28_12_23/2023B02128.pdf (дата обращения: 06.08.2026) и др.

гражданского оборота. К ним относятся фирменное наименование (п. 2 ст. 1474 ГК РФ), НМПТ и географическое указание (п. 6 ст. 1519 ГК РФ).

Таким образом, рассмотрение иных средств индивидуализации в контексте договора коммерческой концессии показало принципиальную разницу между ними. Так, при предоставлении прав на коммерческое обозначение по данному договору следует учитывать законодательные ограничения, предполагающие возможность передать права на данный вид интеллектуальной собственности только в составе предприятия (имущественного комплекса). При этом необходимо также иметь в виду, что согласно последним тенденциям правоприменительной практики доказательством наличия у предпринимателя объекта его индивидуализации – предприятия стало достаточным подтверждение прав на входящую в него совокупность элементов без жесткой привязки к формальному наличию прав на сам объект. Что же касается прав на фирменное наименование, НМПТ и географическое указание, то ими распорядиться невозможно. Права на данные объекты исключены из гражданского оборота.

Заключение

Системный анализ норм ГК РФ наряду с судебной практикой по вопросу предоставления прав на средства индивидуализации в контексте договора коммерческой концессии позволяет сделать следующие выводы.

1. Распоряжение исключительными правами на средства индивидуализации в контексте договора коммерческой концессии имеет правовую специфику в зависимости от вида интеллектуальной собственности, права на которую могут (или не могут) быть предоставлены по указанной сделке (товарные знаки, фирменные наименования, коммерческие обозначения, НМПТ, географические указания).

2. Системное толкование норм ГК РФ о договоре коммерческой концессии в совокупности с правоприменительной практикой показало, что предоставление по нему права использования только товарного знака (либо

комплекса прав **без** товарного знака) не может подпадать под положения ГК РФ о договоре коммерческой концессии. Суды квалифицируют подобного рода сделки либо как смешанные, либо как договоры с иной правовой природой, к примеру, лицензионные. В случае же, если право на товарный знак во время действия договора прекращается, договор коммерческой концессии также должен подлежать прекращению, поскольку в нем отсутствует ключевой элемент комплекса исключительных прав в юридически значимом смысле.

3. Практический аспект настоящего исследования показал существующий разумный баланс между императивными требованиями к оборотоспособности прав на товарные знаки и диспозитивностью гражданского оборота «будущих» прав на них. Так, суды признают допустимость договорных конструкций о распоряжении правами на незарегистрированные объекты (в том числе, договоров коммерческой концессии), однако легитимность такой конструкции обусловлена соблюдением двух ключевых условий. Во-первых, предмет договора должен быть надлежащим образом индивидуализирован так, чтобы на момент его заключения можно было однозначно установить, в отношении какого средства индивидуализации осуществляется предоставление права. Во-вторых, реализация права на средство индивидуализации должна быть неразрывно сопряжена с моментом его возникновения, т.е. в случае товарного знака – с датой такой регистрации. В этом случае сделка, на наш взгляд, отвечает общим требованиям п. 1 ст. 157 ГК РФ о сделке под отлагательным условием.

4. Рассмотрение вопроса о распоряжении исключительными правами на фирменные наименования, НМПТ, географические указания и коммерческие обозначения в контексте договора коммерческой концессии показало, что оно представляется возможным только в отношении исключительного права на последние. При этом при предоставлении прав на коммерческое обозначение следует учитывать законодательные ограничения, предполагающие возможность предоставить права на указанный вид

интеллектуальной собственности только в составе предприятия (имущественного комплекса). Необходимо также иметь в виду, что, согласно последним тенденциям правоприменительной практики, доказательством наличия у предпринимателя объекта индивидуализации – предприятия стало достаточным подтверждением прав на входящую в него совокупность элементов без жесткой привязки к формальному наличию прав на сам объект. Что же касается прав на фирменное наименование, НМПТ и географическое указание, то ими распорядиться невозможно. Права на данные объекты в настоящее время исключены из гражданского оборота.

Список источников

1. Еременко В.И. Право интеллектуальной собственности в России: современный этап и ретроспективный анализ: в трех томах / В.И. Еременко. Т. 2. – Москва: Юрсервитум, 2024. – 660 с.
2. В хорошей компании: Вопросы интеллектуальной собственности в франчайзинге. Серия «Интеллектуальная собственность для бизнеса» // Публикация ВОИС № 1035R. С.12. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-1035-ru-in-good-company-managing-intellectual-property-issues-in-franchising.pdf> (дата обращения: 06.08.2026).
3. Бычков А. Особенности договора коммерческой концессии (франчайзинга) / А. Бычков // Юридический справочник руководителя. – 2025. – № 2. – С. 63–73.
4. Городов О.А. Об ограничении прав сторон по договору коммерческой концессии / О.А. Городов // Конкурентное право. – 2026. – № 1 // СПС «КонсультантПлюс» (режим доступа: ограниченный).
5. Бобков С.А. Правовое регулирование коммерческой концессии в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.А. Бобков. – Москва, 2004. – 207 с.
6. Сергеева Н.Ю. Коммерческое обозначение как средство индивидуализации предприятия (имущественного комплекса): история и современность / Н.Ю. Сергеева, И.А. Черныховский // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2025. – № 2. – С. 38–46.

References

1. Eremenko V.I. *Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossii: sovremennyy etap i retrospektivnyy analiz: v trekh tomakh = Intellectual property law in Russia: the modern stage and retrospective analysis*: in 3 vols. Vol. 2. Moscow: Yurservitum Publ., 2024. 660 p. (in Russ.).
2. In good company: Intellectual property issues in franchising. Series "Intellektual'naya sobstvennost' dlya biznesa" = "Intellectual Property for Business". WIPO Publication No. 1035R. P. 12. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-1035-ru-in-good-company-managing-intellectual-property-issues-in-franchising.pdf> (date of access: 06.08.2026) (in Russ.).
3. Bychkov A. Features of the commercial concession (franchising) agreement. *Yuridicheskij spravochnik rukovoditelya = Legal Guide for Managers*. 2025. No. 2. P. 63–73 (in Russ.).
4. Gorodov O.A. On the limitation of the rights of parties under a commercial concession agreement. *Konkurentnoe pravo = Competition Law*. 2026. No. 1. SPS "Konsul'tantPlyus" (access mode: restricted) (in Russ.).
5. Bobkov S.A. *Pravovoe regulirovanie kommercheskoj kontsessii v Rossijskoj Federatsii = Legal regulation of commercial concession in the Russian Federation*: abstract of the Candidate of Law dissertation: 12.00.03. Moscow, 2004. 207 p. (in Russ.).
6. Sergeeva N.Yu., Chernykhovskij I.A. Commercial designation as a means of individualization of an enterprise (property complex): history and modernity. *Kopirajt (vestnik Akademii intellektual'noj sobstvennosti) = Copyright (Bulletin of the Academy of Intellectual Property)*. 2025. No. 2. P. 38–46 (in Russ.).

Статья поступила 07.08.2026, принята к публикации: 08.09.2026.

© Сергеева Н.Ю., Урбах М.В., 2026

Научная статья

УДК 347.77; 347.78

DOI: [https://doi.org/ 10.68333/2949-284X.2026.95.98.007](https://doi.org/10.68333/2949-284X.2026.95.98.007)

**Охрана программы для ЭВМ как результата интеллектуальной
деятельности: постановка научной проблемы**

Вадим Алексеевич Чернояров,

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности, Москва, Россия

Аспирант

riddle_v@list.ru

<https://orcid.org/0009-0001-3188-5441>

Аннотация. Статья посвящена научной постановке проблемы охраны программ для ЭВМ в условиях трансформации нормативного регулирования, происходившей в 2024–2025 гг. Проанализированы изменения требований к документам заявки, внесенные Приказом Минэкономразвития России № 107 в редакции марта 2024 г., а также положения проекта Федерального закона № 922784-8, направленного на дополнение части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации категориями программируемого средства и программируемого устройства. На основе анализа выявлена необходимость разработки гибридного режима правовой охраны, позволяющего рассматривать алгоритмические решения как технические и обеспечивающего устойчивую правовую охрану технологий как текущего, так и будущего поколений.

Ключевые слова: программа для ЭВМ; алгоритм; программируемое средство; технический результат; информационные технологии; интеллектуальная собственность.

Для цитирования: Чернояров В.А. Охрана программ для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности: постановка научной проблемы // IP: теория и практика. – 2026. – № 3.

Original article

**Protection of computer programs as a result of intellectual activity: setting
a scientific problem**

Vadim A. Chernoyarov,

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

Postgraduate student

riddle_v@list.ru

<https://orcid.org/0009-0001-3188-5441>

Abstract. The article addresses the scientific formulation of the problem of protecting computer programs in the context of the transformation of regulatory frameworks occurring in 2024–2025. The study examines the amendments to the application documentation requirements introduced by Order No. 107 of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation in its March 2024 revision, as well as the provisions of Draft Federal Law No. 922784-8, which proposes supplementing Part Four of the Civil Code of the Russian Federation with the categories of programmable means and programmable devices. Based on the analysis, the article substantiates the need to develop a hybrid legal protection regime that would allow algorithmic solutions to be regarded as technical in nature and ensure stable legal protection for both current and future generations of digital technologies.

Keywords: computer program; algorithm; programmable means; technical result; information technologies; intellectual property.

For citation: Chernoyarov V.A. Protection of Computer Programs as a Result of Intellectual Activity: Setting a Scientific Problem // IP: Theory and Practice. 2026. No. 3.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий, искусственного интеллекта, распределенных вычислений и автоматизированных систем управления обусловило радикальное расширение сферы применения программ для электронных вычислительных машин. Программное обеспечение перестало быть исключительно инструментом обработки данных: сегодня оно входит в технологический каркас функционирования государственного аппарата, экономических процессов, критически важных объектов инфраструктуры и информационной безопасности. В этих условиях возрастает не только экономическая, но и правовая значимость установления эффективного режима охраны программ для ЭВМ, позволяющего

обеспечивать защиту результатов интеллектуальной деятельности и стимулировать инновационную деятельность разработчиков.

Вместе с тем действующий в отечественном праве режим охраны программы для ЭВМ обусловлен прежде всего международными обязательствами Российской Федерации. Международное право исходит из того, что компьютерные программы подлежат охране в рамках авторского права как литературные произведения: такой подход закреплен в п. 1 ст. 10 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) [1] и статье 4 Договора ВОИС по авторскому праву [2], развивающих модель охраны литературных произведений Бернской конвенции.

Следовательно, пересмотр правового регулирования программ для ЭВМ на национальном уровне возможен не через отказ от сформировавшейся в мировой практике авторско-правовой охраны, а путем выстраивания дополнительного, согласованного с международными правовыми актами режима охраны их функционально-технических характеристик, прежде всего в случаях, когда реализация алгоритма приводит к достижению объективного технического результата.

Однако действующее законодательство Российской Федерации сохраняет модель, сформированную в начале 1990-х гг., когда программы для ЭВМ были приравнены к литературным произведениям и включены в сферу авторско-правовой охраны. Статья 1261 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [3] предусматривает автоматическую охрану исходного текста и объектного кода программы с момента ее создания, но не предусматривает охрану ее функциональных характеристик, связанных с обработкой данных, архитектурой вычислительных процессов, алгоритмическими структурами и иными элементами, имеющими техническую природу. Такая конструкция становится недостаточной в отношении современных программных систем, включая алгоритмы машинного обучения, технологии предиктивного анализа, интеллектуальные системы принятия решений и высокоуровневые цифровые платформы.

В условиях цифровой трансформации, появления автономных алгоритмов, систем искусственного интеллекта и программируемых сред традиционная модель охраны перестает выполнять регулятивную функцию. Это требует не только обновления законодательства, но и постановки самостоятельной научной проблемы, направленной на переосмысление правового режима программ для ЭВМ как комплексного объекта интеллектуальных прав.

Данное исследование основано на совокупности общенаучных и частнонаучных подходов, позволяющих комплексно оценить состояние правового регулирования в сфере охраны программ для ЭВМ и выявить его структурные особенности. Формально-юридический метод применен для анализа положений части четвертой ГК РФ, подзаконных актов в сфере регистрации объектов патентного права, а также проекта Федерального закона № 922784-8. Данный метод позволил выявить содержание ключевых правовых категорий и определить логику их нормативного взаимодействия.

Методы

Методологическая основа исследования сформирована с учетом комплексной природы программного обеспечения как результата интеллектуальной деятельности, совмещающего юридические, технические и информационные аспекты. Для достижения цели настоящего исследования использован междисциплинарный подход, включающий системный анализ нормативных актов.

Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления прежней редакции требований к документам заявки и новой системы признаков, ориентированной на область информационных технологий. Такой подход позволил установить, в какой мере обновление нормативной базы влияет на возможность патентования алгоритмических решений и на устранение прежних ограничений.

Системный анализ применен для выявления взаимосвязи между нормами подзаконного регулирования и предлагаемыми изменениями

в ГК РФ, а также для оценки согласованности понятийного аппарата, предлагаемого законопроектом. Этот метод дал возможность определить структурные пробелы, возникающие при внедрении новых категорий программируемого средства и программируемого устройства.

Целью настоящей статьи является научная постановка проблемы охраны программ для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности в контексте выявленного противоречия между существующими моделями их правовой охраны. Безусловно, техническая направленность программного обеспечения требует адекватной охраны их функционального содержания, такую степень охраны возможно предоставить средствами патентного права [1].

Основное исследование

Одной из ключевых практических проблем при патентовании объектов в сфере информационных технологий остается необходимость включения в техническое решение признаков, которые в существующей модели патентного права квалифицируются как относящиеся к материальному миру. Исторически сложившаяся конструкция российского законодательства основана на классическом понимании технического решения как результата воздействия на материальный объект [2]. В этом контексте программа для ЭВМ не воспринимается как самостоятельная техническая сущность. Алгоритм признается внутренней логикой функционирования программы, но не рассматривается как объект, способный создавать технический эффект без привязки к устройству или способу, предполагающему физическое преобразование.

Дополнения в Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение (далее – Требования к документам заявки), внесенные в 2024 г., формально расширили перечень допустимых признаков, которые могут быть включены в заявку на изобретение в сфере информационных технологий [3].

В частности, обновленная редакция требований предусматривает возможность описания технического решения через взаимодействие программируемых средств, включая выполнение вычислительно-логических операций, обработку информации, а также осуществление процедур обучения моделей, проводимых по соответствующим алгоритмам.

Однако обновление не устранило необходимости включать в формулу изобретения признаки, подтверждающие технический характер решения. Программируемое средство фактически стало формальной материальной опорой патентования, поэтому привязка алгоритма к устройству или способу по-прежнему остается условием квалификации решения как изобретения.

На практике это приводит к тому, что разработчики решений в сфере искусственного интеллекта, анализа данных и машинного обучения вынуждены описывать алгоритмическую новизну через материальные признаки. В результате формула изобретения искусственно усложняется и не всегда позволяет адекватно отразить сущность решения, поскольку материальная привязка нередко носит формальный, а не функциональный характер.

Примером подобного затруднения является ситуация, когда алгоритм снижает вычислительную погрешность или увеличивает точность классификации информации. Такие эффекты обладают объективной и воспроизводимой природой: если алгоритм функционирует в контексте обработки сигналов, а сигнал, согласно правоприменительной практике, рассматривается как воздействие на материальный мир, то такая обработка потенциально способна рассматриваться как дающая технический эффект. Однако значительная часть современных программных решений работает с данными, не являющимися сигналами, отражающими свойства внешнего материального объекта, и формирует результат исключительно в цифровой среде. В таких случаях достигаемый эффект не сопровождается преобразованием материального объекта, что лишает его прямого

нормативного подтверждения технического характера и, следовательно, затрудняет его патентование.

Дополнения в Требования к документам заявки одновременно расширили возможности описания ИТ-решений и усилили формализацию заявки. Заявителю по-прежнему требуется подробно раскрывать структурные схемы, последовательности операций, работу программируемого средства, а в отдельных случаях – и фрагменты программного кода [3], в том числе тогда, когда такие элементы не являются значительными для достижения технического результата.

Несмотря на предпринятые действия по уточнению Требований к документам заявки в сфере информационных технологий, в научной и нормативной плоскости сохраняется ключевой пробел, который препятствует созданию эффективной модели охраны данных решений. Этот пробел состоит в отсутствии доктринального и нормативного понимания того, что же следует считать техническим результатом применительно к цифровым системам, работа которых представляет собой материальный процесс, реализующий последовательности логических операций. Эти операции сами по себе имеют нематериальную природу, однако их исполнение в рамках функционирующей системы опирается на физические процессы преобразования сигналов. В связи с этим возникает необходимость уточнения критериев, позволяющих отделить технический результат, возникающий вследствие работы такой системы, от результата, имеющего исключительно абстрактный характер.

Согласно действующим подзаконным актам, технический результат связывается с изменениями физического состояния объекта или с воздействием на внешнюю материальную среду. Эта модель была сформирована в период, когда технические решения представляли собой преимущественно механические, электрические или химические конструкции. Развитие цифровых технологий показало, что материальная основа технического результата сохраняется, но принимает иную форму.

В вычислительных системах технический результат достигается не абстрактным алгоритмом самим по себе, а его реализацией на программируемом средстве, т.е. выполнением последовательности логических операций через материальные процессы обработки сигналов. Именно в процессе реализации алгоритма формируется объективный и воспроизводимый эффект, который способен иметь техническую направленность и подлежит оценке в рамках патентного права.

Примером могут служить снижение времени обработки данных, уменьшение вычислительной ошибки, достижение устойчивости функционирования системы, оптимизация маршрутизации, повышение достоверности распознавания информации и пр.

Такие результаты обладают технической природой, поскольку выражаются в объективном изменении параметров функционирования программируемого средства и возникают в процессе материальной обработки сигналов. Вместе с тем действующие Требования к документам заявки не закрепляют цифровые эффекты как самостоятельную разновидность технического результата, что не позволяет однозначно квалифицировать их при рассмотрении заявки. Вследствие этого один и тот же результат может быть признан техническим или нетехническим в зависимости от формулировки признаков и подхода экспертизы, что свидетельствует о недостаточной адаптированности нормативной модели к специфике цифровых технологий.

Актуальная редакция Требований к документам заявки предусматривает необходимость описания вычислительно-логических операций, действий по обработке информации, действий по обучению моделей и других признаков, характерных для информационных технологий. Однако такие признаки используются как вспомогательные характеристики, позволяющие раскрыть работу программируемого средства. Они не образуют самостоятельного основания для признания решения техническим.

Проблема отсутствия критерия цифрового технического результата приводит к ряду дополнительных последствий. Во-первых, возникает неопределенность в части оценивания изобретательского уровня. Алгоритмические решения часто обладают высокой степенью новизны, однако их вклад в достижение результата трудно оценить в рамках действующей модели. Во-вторых, сохраняется риск, что признаки, связанные с обработкой данных, будут квалифицированы как относящиеся к объектам, не являющимся изобретениями.

Таким образом, недостаточность научного знания проявляется в отсутствии разработанной доктрины цифрового технического результата и в том, что существующие нормы не адаптированы к особенностям функционирования программных решений. Это препятствует созданию устойчивого механизма охраны алгоритмических технологий и формирует основу для возникновения противоречий на уровне правоприменения.

Анализ действующего законодательства, обновленных Требований к документам заявки и практики рассмотрения заявок в сфере информационных технологий позволяет выделить системное противоречие, которое сохраняется, несмотря на предпринятые шаги для его преодоления.

Первый аспект противоречия проявляется в том, что обновленные Требования допускают описание изобретений в сфере информационных технологий с использованием признаков, связанных с вычислительно-логическими операциями, обработкой данных и обучением моделей, однако не изменяют самого подхода к определению технического результата. В результате алгоритмический эффект (эффект от реализации алгоритма) продолжает оставаться вне сферы нормативного признания.

Под алгоритмическим эффектом подразумевается результат, который достигается исключительно вследствие выполнения последовательных логических операций (алгоритма) на программируемом средстве. Практической реализацией такого решения может выступать изменение параметров работы системы, в данном случае результат возникает не за счет

конструктивного изменения (модификации) аппаратной части устройства, а за счет действия в данном устройстве обновленного алгоритма.

Второй аспект связан с необходимостью материальной привязки алгоритма: несмотря на расширение перечня признаков, допускаемых для изобретений в сфере информационных технологий, алгоритм может быть признан техническим только в контексте работы устройства или способа, воздействующего на материальный объект. Это искусственно ограничивает сферу патентования и препятствует охране тех решений, которые действуют исключительно в цифровой среде. Программируемое средство формально позволяет расширить перечень допустимых конструкций, но, по сути, сохраняет материальную привязку и не позволяет отказаться от материально ориентированной модели технического решения, что является барьером для охраны самостоятельных программных решений, которые реализованы не на конкретном устройстве, а на их классе (например, в компьютере, смартфоне под управлением операционной системы Android).

Третий аспект противоречия связан с проектом Федерального закона от 21.05.2025 № 922784-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – проект Федерального закона), предлагающим включить в ГК РФ категории программируемого средства и программируемого устройства. Предполагалось, что их использование позволит снять необходимость прямой привязки алгоритмического решения к конкретному устройству. Однако новый понятийный аппарат не интегрирован в систему базовых категорий продукта и устройства. Это означает, что новый объект не может быть корректно включен в структуру изобретения или полезной модели. Заключение Правового управления Государственной Думы от 14.08.2025 № вн2.2-1/3216 указывает, что отсутствие согласования с положениями ст. 1358 ГК РФ приводит к невозможности однозначного определения способов использования нового объекта. Такая несогласованность препятствует

реализации целей законопроекта и создает риск неоднозначной правоприменительной практики.

Четвертый аспект противоречия связан с историческими основаниями отказов в выдаче патента: практика 2020–2024 гг. показывает, что большинство отказов было обусловлено тем, что алгоритмические признаки квалифицировались как относящиеся к объектам, не являющимся изобретениями, а технический результат признавался нетехническим [4, с. 90]. Изменения 2024–2025 гг. не затрагивают критерий технического результата, что означает сохранение прежних оснований для отказов. Следовательно, обновленные требования и предлагаемые изменения в ГК РФ не устраняют структурные проблемы, а лишь дополняют их новыми аспектами, которые сами по себе не изменяют основ правовой конструкции.

В итоге проблема заключается не в том, что реализация алгоритма опирается на аппаратные средства, поскольку вычислительная среда по своей природе материальна, а в том, что действующая законодательная модель требует формальной материальной привязки, не позволяя учитывать технический характер самого процесса реализации алгоритма и возникающего при этом результата. Такая привязка ориентирована на внешние признаки устройства, но не отражает техническое содержание цифрового решения, которое проявляется в процессе материального исполнения алгоритма [5–7]. Отсутствие согласованного понятийного аппарата и нормативного определения цифрового технического результата препятствует формированию устойчивой системы охраны изобретений в сфере информационных технологий. Под цифровым техническим результатом понимается объективное и воспроизводимое изменение программируемого (настраиваемого) многофункционального средства, возникающее в процессе исполнения в данном средстве алгоритма программы для ЭВМ и приводящее к появлению нового технического эффекта, направленного на решение технической проблемы посредством обработки сигналов и (или) данных. Цифровой технический результат имеет материальную природу, поскольку

возникает в процессе исполнения алгоритма и выражается в объективном изменении параметров работы программируемого средства. Однако существующее регулирование не содержит специальной нормы, позволяющей квалифицировать такой результат как технический, что приводит к методологической неопределенности и формальным основаниям для отказа при оценке патентоспособности.

Потребность в постановке научной проблемы обусловлена рядом объективных обстоятельств.

Первое обстоятельство заключается в том, что актуальная редакция Требований к документам заявки допускает описание решений, основанных на работе программируемых (настраиваемых) средств, однако не закрепляет, что технический результат может формироваться в процессе исполнения алгоритма в данном средстве. В отсутствие соответствующей нормативной конструкции такие признаки нередко оказываются вне традиционных подходов к определению технического результата, ориентированных на изменяемые параметры внешнего материального объекта.

Второе обстоятельство состоит в том, что проект федерального закона вводит категории программируемого средства и программируемого устройства, но не связывает их в достаточной мере с действующей системой объектов патентного права. Это затрудняет определение статуса признаков, характеризующих реализацию алгоритма, и сохраняет неопределенность как для заявителей, так и для экспертизы.

Третье обстоятельство касается сохранения прежних подходов к оценке изобретений в сфере информационных технологий. Поскольку нормативные изменения не затрагивают содержание критериев технического результата и изобретательского уровня, сохраняются основания полагать, что прежняя практика отказов в патентовании данных решений в значительной мере будет воспроизводиться.

Четвертое обстоятельство состоит в том, что информационные технологии развиваются с высокой скоростью. Появление новых классов

цифровых систем делает неэффективным подход к регулированию, основанный на постоянном добавлении новых категорий в закон, поэтому требуемая модель правовой охраны должна носить универсальный и адаптивный характер.

Таким образом, научная проблема может быть сформулирована следующим образом: необходимо разработать такую модель патентной охраны алгоритмических и программных решений, которая обеспечит признание технического характера цифровых эффектов, создаваемых в вычислительной среде, а также позволит обеспечить правовую охрану будущим поколениям цифровых технологий, без необходимости постоянного изменения законодательства. Эта модель должна сочетать гибкость, концептуальную целостность и соответствие основам патентного права.

Разработка устойчивой модели охраны программных решений требует выстраивания нового подхода, который способен совместить системность правового регулирования и специфику современных информационных технологий. В основе такой модели должен находиться гибридный правовой режим, позволяющий рассматривать алгоритмические решения как элементы технического характера в той мере, в какой их реализация на программируемом средстве приводит к достижению объективного технического результата.

Первый элемент такой модели связан с уточнением нормативной конструкции технического результата. Применительно к цифровым решениям он может выражаться в объективном и воспроизводимом изменении параметров функционирования программируемого средства, возникающем в процессе исполнения алгоритма.

Второй элемент состоит в интеграции категорий программируемого средства и программируемого устройства в действующую систему объектов патентного права. Это позволило бы использовать их в рамках сложившейся конструкции продукта и устройства без разрыва с общими положениями патентного законодательства.

Третий элемент заключается в признании алгоритма техническим признаком в тех случаях, когда его реализация обеспечивает достижение технического результата в вычислительной среде. Такой подход позволяет рассматривать алгоритмическую последовательность не как абстрактную математическую конструкцию, а как функциональный элемент технического решения.

Четвертый элемент предполагает адаптивность правовой модели. Охрана должна распространяться на новые классы цифровых и вычислительных систем в зависимости от характера их функционирования и создаваемого результата, а не только от наличия специально названной в законе категории.

Пятый элемент состоит в обеспечении предсказуемости правоприменения. Для этого требуется формирование методических рекомендаций, позволяющих объективно оценивать признаки алгоритмических решений при рассмотрении заявок на изобретение.

В совокупности указанные элементы формируют модель гибридного режима охраны, позволяющую эффективно охранять алгоритмические и цифровые решения, учитывать специфику функционирования программируемых средств и обеспечивать устойчивость системы в условиях технологической динамики.

Заключение

Исследование показало, что изменения 2024 г., направленные на переработку требований к документам заявки в сфере информационных технологий, и предлагаемые поправки в часть четвертую ГК РФ, содержащие новые категории программируемого средства и программируемого устройства, не устраняют фундаментальные проблемы охраны программных решений. Обновленные требования расширяют перечень признаков, позволяющих описывать ИТ-изобретения, однако они не содержат критериев цифрового технического результата и не отменяют необходимости указания материального средства в качестве признака к устройству или способу. Проект

федерального закона, несмотря на новизну, не интегрирует новые понятия в систему объектов патентного права и сохраняет неопределенность в части их применения.

Обоснование научной проблемы показывает необходимость разработки гибридного правового режима, позволяющего признать технический характер результатов, создаваемых в вычислительной среде, интегрировать алгоритмы в систему признаков технического решения и обеспечить охрану цифровых технологий независимо от их материального воплощения. Такая модель создаст основу для устойчивого развития системы правовой охраны интеллектуальной собственности и позволит обеспечить охрану программных решений как современных, так и будущих поколений технологий.

Список источников

1. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) [рус., англ.] (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/231> (дата обращения: 03.03.2026).
2. Договор ВОИС по авторскому праву (принят Дипломатической конференцией в г. Женеве 20.12.1996). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails/12740> (дата обращения: 13.03.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 25.12.2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.
4. Приложение № 2 к Приказу Минэкономразвития России от 21.02.2023 № 107 (ред. от 27.09.2024) «О государственной регистрации изобретений» (вместе с Правилами составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации изобретений; Требованиями к документам заявки на выдачу патента на изобретение; Порядком проведения информационного поиска...; Порядком публикации отчета об информационном поиске...). Зарегистрировано в Минюсте России 17.04.2023

№ 73064. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/prikaz-minekonomrazvitiya-107-21022023> (дата обращения: 13.03.2026).

5. Греков А.В. Повышение надежности электронных регуляторов авиадвигателей на основе инновационных логических элементов / А.В. Греков, С.Ф. Тюрин // Вестник ПНИПУ. Электротехника, информационные технологии, системы управления. – 2018. № – 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-nadezhnosti-elektronnyh-regulyatorov-aviadvigateley-na-osnove-innovatsionnyh-logicheskikh-elementov> (дата обращения: 18.01.2026).

6. Чернойров В.А., Котенева О.Е. Патентная охрана программируемых электронных устройств и технологий / В.А. Чернойров, О.Е. Котенева // Радиоэлектронные технологии. – 2025. – № 1. – С. 85–90.

7. Гюльбасарова Е.В. Охрана цифровых решений механизмами патентного права / Е.В. Гюльбасарова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 4 (128). – С. 109–116.

References

1. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS): Agreement concluded at Marrakesh on 15 April 1994 (as amended by the Protocol of 6 December 2005). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/231> (date of access: 03.03.2026) (in Russ.).

2. WIPO Copyright Treaty (Treaty adopted by the Diplomatic Conference at Geneva on 20 December 1996). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails/12740> (date of access: 13.03.2026) (in Russ.).

3. Civil Code of the Russian Federation (Part Four). No. 230-FZ of 18 December 2006: Federal Law (as amended on 23 July 2025). Adopted by the State Duma on 24 November 2006, approved by the Federation Council on 8 December 2006. Published in: *Sobranie Zakonodatelstva RF*, 25 December 2006. No. 52 (1 part), Art. 5496 (in Russ.).

4. Appendix No. 2. Requirements for the documents of an application for the grant of a patent for an invention: Appendix to the Order of the Ministry of Economic Development of Russia No. 107 of 21.02.2023 (as amended on 27.09.2024) “On State Registration of Inventions”. Registered by the Ministry of Justice of Russia on 17.04.2023. No. 73064 URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/prikaz-minekonomrazvitiya-107-21022023> (date of access: 13.03.2026) (in Russ.).

5. Grekov A.V., Tyurin S.F. Improving the reliability of electronic regulators of aircraft engines based on innovative logic elements. *Vestnik PNIPU. Elektrotehnika. informatsionnyye tekhnologii. sistemy upravleniya* = *Bulletin of PNRPU. Electrical engineering, information technology, control systems*. 2018. No. 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-nadezhnosti-elektronnyh-regulyatorov-aviadvigateley-na-osnove-innovatsionnyh-logicheskikh-elementov> (date of access: 18.01.2026) (in Russ).

6. Chernoyarov V.A., Koteneva O.E. Patent Protection of Programmable Electronic Devices and Technologies. *Radioelektronnye tekhnologii-2025* = *Radio-electronic technologies*. 2025. No. 1. Pp. 85–90 (in Russ).

7. Gulbasarova E.V. Protection of Digital Solutions by Patent Law Mechanisms. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* = *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL)*. 2025. No. 4 (128). Pp. 109–116 (in Russ).

Статья поступила 11.04.2026, принята к публикации: 21.05.2026.

© Чернояров В.А., 2026

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ А

Научная статья

УДК 002:347.77

DOI: [https://doi.org/ 10.68333/2949-284X.2026.22.21.008](https://doi.org/10.68333/2949-284X.2026.22.21.008)

Современные информационные технологии и системы цифровизации управления интеллектуальной собственностью

Владимир Олегович Сиротюк,

Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, Москва,
Россия

Российская государственная академия интеллектуальной
собственности, Москва, Россия

vsirotyuk@ipu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4900-7639>

Аннотация. В работе рассмотрены особенности построения и использования информационных систем и технологий (ИТ) в управлении интеллектуальной собственностью (ИС). Сформулированы требования к ИТ и системам в сфере ИС. Описаны направления развития информационных и цифровых технологий и систем менеджмента ИС, построения и оптимизации цифрового патентно-информационного фонда, поисковых патентно-информационных систем, систем электронного взаимодействия с пользователями, автоматизации патентно-информационной деятельности и цифровой экосистемы ИС.

Ключевые слова: система управления интеллектуальной собственностью, цифровизация системы управления интеллектуальной собственностью, цифровая экосистема интеллектуальной собственности, цифровой патентно-информационный фонд, патентная база данных, база данных научно-технической информации, информационная технология.

Для цитирования: Сиротюк В.О. Современные информационные технологии и системы цифровизации управления интеллектуальной собственностью // IP: теория и практика. – 2026. – № 3.

Original article

Modern information technologies and digitalization systems for intellectual property management

Vladimir O. Sirotiyuk,

V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia

vsirotyuk@ipu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4900-7639>

Abstract. This paper examines the development and use of information systems and technologies (IT) in intellectual property (IP) management. Requirements for IT and IP systems are formulated. It describes the development trends of information and digital technologies and IP management systems, the construction and optimization of a digital patent information collection, patent information search systems, electronic user interaction systems, automation of patent information activities, and a digital IP ecosystem.

Keywords: intellectual property management system, digitalization of intellectual property management system, digital ecosystem of intellectual property, digital patent information fund, patent database, scientific and technical information database, information technology.

For citation: Sirotiyuk V.O. Modern Information Technologies and Digitalization Systems for Intellectual Property Management // IP: Theory and Practice. – 2026. – No. 3.

Введение

В условиях цифровизации экономики управление интеллектуальной собственностью (ИС) становится неотъемлемой частью общей системы

стратегического управления организациями и предприятиями¹ [1–2]. Система управления ИС играет важную роль в обеспечении эффективного использования и защиты нематериальных активов организаций с целью максимизация ценности интеллектуальной собственности для организаций, извлечения из результатов интеллектуальной деятельности (РИД) максимального социально-экономического эффекта.

Основными задачами системы менеджмента ИС являются: инвентаризация и анализ существующих нематериальных (информационных) активов предприятия, оценка их рыночной стоимости; обеспечение защиты прав на объекты ИС, включая регистрацию патентов и товарных знаков, а также мониторинг возможных нарушений; интеграция информационных технологий (далее – ИТ) и систем в контур управления нематериальными активами; обеспечение полноценного и качественного информационно-технологического взаимодействия субъектов системы управления ИС с целью эффективной реализации логистического бизнес-процесса между участниками; внедрение инновационных практик [2; 3].

Решение данных задач в современных условиях возможно с использованием новых бизнес-моделей и методов управления ИС, ИТ и цифровых платформ, систем искусственного интеллекта и нейросетей, в т.ч. при поддержке принимаемых экспертами решений, средств оптимизации формирования патентно-информационных фондов и автоматизации менеджмента ИС.

В работе сформулированы требования к информационным и цифровым технологиям, цифровым платформам, программным комплексам и сквозным технологиям (большим данным, блокчейн, системам искусственного интеллекта (далее – ИИ) и др.) в сфере ИС. Проведен комплексный анализ базовых цифровых и информационных технологий, рассмотрены направления

¹ О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203.

и пути развития инструментальных средств и технологий для управления бизнес-процессами и объектами ИС и разработаны предложения по их применению.

Требования к ИТ и информационным системам в сфере ИС

Новая парадигма управления ИС предполагает эффективное и качественное использование патентно-информационных ресурсов в цифровой форме для решения задач менеджмента ИС, обеспечения надежной защиты прав изобретателей и патентообладателей, инноваций и творческих достижений.

В связи с этим возникает острая необходимость интеграции информационных и сквозных цифровых технологий в контур управления нематериальными активами. Это способствует созданию комфортной среды для работы пользователей с информационными активами и базами данных (далее – БД) патентной информации, и, в свою очередь, приводит к усилению имиджа и конкурентоспособности предприятий и организаций.

Новые бизнес-модели управления ИС должны ориентироваться на эффективное удовлетворение информационных и функциональных требований пользователей и охватывать жизненный цикл производства информационной продукции и оказания патентно-информационных услуг. Одной из таких моделей является модель «Объект ИС (РИД) как сервис» [2; 3].

Современные цифровые платформы и информационные системы позволяют автоматизировать процессы регистрации прав на интеллектуальную собственность, осуществлять мониторинг рынка ИС, выявлять потенциальные нарушения прав на объекты ИС. Используемые в них средства искусственного интеллекта обеспечивают возможность анализа больших данных (Big Data), что позволяет выявлять возможные случаи плагиата или недобросовестной конкуренции, обнаруживать новые источники данных с целью повышения полноты и качества цифровых патентно-

информационных фондов и БД, формирования новых бизнес-предложений. Данные средства менеджмента ИС не только повышают уровень защиты ИС, но и способствуют оптимизации принимаемых управленческих решений.

Инновационная система управления ИС опирается на цифровые платформы. Заявки подаются через электронные сервисы, проходят экспертизу, включаются в электронные реестры, а патентная информация в цифровой форме используется при межведомственном и международном обмене. Следует отметить, что чем выше уровень цифровизации организации, тем выше требования к качеству и безопасности данных патентно-информационных фондов [3].

Таким образом, цифровизация управления ИС обеспечивает повышение эффективности и качества бизнес-процессов патентно-информационной и производственно-хозяйственной деятельности, высокий уровень защиты и поддержки коммерческой и инновационной деятельности.

Базовые ИТ и информационные системы в сфере ИС

Основными ИТ цифровой системы управления ИС являются [2–7]:

- ИТ формирования, администрирования и развития цифрового информационного фонда ИС (далее – ЦИФИС). Данные средства и цифровые платформы должны предоставлять пользователям единый интерфейс доступа к БД патентной (далее – ПБД) и научно-технической (далее – БД НТИ) информации и поиска в них. Программные комплексы и средства администрирования ЦИФИС должны предоставлять средства виртуального доступа к территориально распределенным БД и метапоиска в них, что позволяет повысить эффективность и качество проводимых патентных исследований, экспертизы, НИР и ОКР;

- ИТ патентно-информационного поиска. Данные ИТ и поисковые системы обеспечивают проведение многоаспектных поисков в локальных и распределенных БД ЦИФИС, формирование тематических БД по запросам пользователей. Они должны строиться на принципах *универсальности*

(обеспечения возможности доступа и проведения кросс-поисков как в локальных, так и во внешних БД патентной и научно-технической информации); *«одного окна»*, предполагающего предоставление пользователям высококачественных услуг на основе единого поискового интерфейса, легкого в использовании; принципа *«два в одном»* – поисковой системы, которая обеспечивает предоставление доступа к основной и дополнительной информации о патентных документах из одного места (одной точки входа); *расширяемости*, предполагающего обеспечение возможности быстрого подключения новых локальных и внешних БД и функций доступа к описаниям документов;

– ИТ и цифровые платформы электронной подачи и обработки материалов и документов заявок на объекты ИС и электронного обмена. Данные комплексы и системы позволяют обмениваться информацией с заявителями и патентообладателями по объектам ИС в электронной форме, что позволяет сократить бюрократические бумажные процедуры делопроизводства по заявкам и патентам и тем самым повысить оперативность обмена и обработки патентной информации. Внедрение цифровой платформы электронной подачи и электронного обмена информацией повышает привлекательность организации для авторов (заявителей) и патентообладателей, приводит к увеличению их количества благодаря предоставляемым сервисам самостоятельной (без посредников) подачи заявок и отслеживания статуса патентных процедур;

– ИТ автоматизации патентно-информационной и производственно-хозяйственной деятельности (экспертизы заявок, патентного анализа и статистики, планирования и прогнозирования, делопроизводства, публикации патентной информации и др.), позволяющие повысить эффективность и качество функционирования субъектов системы управления ИС;

– ИТ цифровой экосистемы ИС, предназначенной для создания единой информационно-технологической среды, объединяющей субъектов системы

управления ИС, патентно-информационные ресурсы, сервисы и процедуры с целью эффективной защиты объектов ИС и коммерциализации РИД.

Рассмотрим подробнее характеристики и особенности построения базовых ИТ и цифровых платформ управления интеллектуальной собственностью.

ИТ формирования, сопровождения и развития цифрового патентно-информационного фонда

Данные методы и ИТ относятся к классу инструментов управления данными, в т.ч. большими данными (Big Data). Их использование направлено на формирование эффективной структуры ЦИФИС, структур ПБД и БД НТИ, предоставление доступа к распределенным БД, а также автоматизацию процессов администрирования и развития ЦИФИС.

Наиболее известной в этой области является формализованная методология, модели, методы и алгоритмы оптимизации построения и управления ЦИФИС, разработанные ИПУ РАН и ФИПС Роспатента [3]. Их применение обеспечивает комплексное решение задач анализа и построения модели предметной области системы управления ИС, спецификаций информационных и функциональных требований пользователей, эффективной распределенной структуры ЦИФИС, синтеза оптимальных структур распределенных, локальных и тематических БД патентной и научно-технической информации, в т.ч. с использованием облачных сервисов; управления качеством и безопасностью данных БД ЦИФИС; построения эффективной структуры цифрового органа управления ИС. Эффективность разработанной методологии продемонстрирована при решении задач цифровой трансформации региональной системы управления ИС.

Системы и средства управления данными должны интегрироваться с другими цифровыми технологиями и информационными системами, что обеспечивает высокую степень координации между различными подразделениями организации и способствует более эффективному

использованию информационных, материальных и трудовых ресурсов. Современные ИТ управления данными используют методы и технологии искусственного интеллекта и машинного обучения для анализа больших объемов информации ЦИФИС (Big Data). Это позволяет решать задачи прогнозирования развития отраслей экономики, выявлять новые тренды и направления проведения научных исследований и разработок, оценивать риски, связанные с нарушением прав на объекты ИС.

Примерами таких систем являются специализированные ИТ типа IPfolio, Anaqua и CPA Global, которые предлагают функционал для отслеживания статуса заявок, управления сроками действия прав и анализа портфолио ИС.

Таким образом, методология, модели, методы и ИТ формирования, сопровождения и развития цифрового патентно-информационного фонда предоставляют важные инструменты и средства для эффективного управления данными, информационными активами и их использованием.

Поисковые патентно-информационные системы

Важную роль в управлении ИС играют поисковые патентно-информационные технологии и системы, от эффективности построения которых во многом зависит эффективность и качество принимаемых экспертами решений, оперативность доступа к данным и взаимодействия с субъектами системы управления ИС. Поисковые ИТ, сервисы и системы позволяют проводить многоаспектный патентный поиск в БД патентной и научно-технической информации, извлекать и анализировать данные. Данные системы используются экспертами и менеджерами, научными сотрудниками и специалистами при решении профессиональных задач в области интеллектуальной собственности.

Рассмотрим наиболее известные поисковые технологии и системы.

В евразийском регионе в качестве информационно-поисковой системы используется Евразийская патентно-информационная система (далее –

ЕАПАТИС). В БД ЕАПАТИС представлены патентные документы ЕАПВ, ВОИС, Европейского патентного ведомства, патентного ведомства США, России, патентные документы стран, входящих в «минимум документации РСТ» разной глубины ретроспективы, патентные документы национальных патентных ведомств стран – членов ЕАПО (Армении, Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Туркмении и др.).

В системе можно проводить тематические, нумерационные и именные поиски, а также использовать программные средства группировки результатов выполненных запросов. Реализованы средства виртуального доступа и метапоиска в информационных системах и БД других патентных ведомств, а также в системах свободного доступа, таких как Espacenet, PATENTSCOPE, PubMed и других.

Цифровая платформа Роспатента – современное инструментальное средство, обеспечивающее поиск по изобретениям и товарным знакам и использующее технологии ИИ и средства семантического поиска и анализа информации для обнаружения схожих документов. Цифровая платформа Роспатента включает ИПС ФИПС и БД «Открытых реестров патентных документов». Цифровая платформа Роспатента обеспечивает доступ к информации из внутренних систем, внешних БД и коммерческих источников².

Espacenet – ИПС Европейского патентного ведомства Европейской патентной организации (далее – ЕПО). ИПС позволяет осуществлять поиск в международной и национальных БД патентной информации стран – членов ЕПО. Espacenet предлагает многоязычный интерфейс и инструментальные средства фильтрации и анализа результатов поиска.

PatentScore – поисковая платформа ВОИС. Позволяет проводить поиск по международным патентным заявкам РСТ, а также патентно-

² Сайт Роспатента: URL: <https://searchplatform.rospatent.gov.ru/> (дата обращения: 25.07.2026).

информационным фондам региональных и национальных ведомств. Поиск можно проводить по ключевым словам, индексам МПК, номерам, а также с использованием средств ИИ. В систему встроены средства машинного перевода на др. языки.

Questel – система патентного поиска и анализа данных. Она включает БД патентной информации, а также средства мониторинга и управления информационными активами ИС. ИПС также предоставляет возможность интеграции с другими системами управления данными.

Рассмотренные инструменты патентно-информационного поиска позволяют специалистам в области ИС эффективно управлять информационными активами, повышают качество принимаемых решений, способствуют более успешной защите и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности.

ИТ электронной подачи и обработки материалов дел заявок на объекты ИС и электронного обмена

Одним из ключевых аспектов цифровизации менеджмента ИС является автоматизация процессов регистрации и защиты прав на интеллектуальную собственность. Использование систем электронной подачи дел заявок на изобретения и другие объекты ИС и электронного обмена, относящихся к системам класса e-filing, упрощает взаимодействие между заявителями и патентными организациями, повышает эффективность основного бизнес-процесса патентно-информационной деятельности, сокращает время и затраты на подготовку и оформление документов, прием и формальную экспертизу заявок, оцифровку документов заявок.

ИТ электронного документооборота позволяет заявителям подавать документы в электронном виде, что значительно ускоряет процесс их регистрации. Такие системы позволяют пользователям отслеживать статус своих заявок в реальном времени, что повышает прозрачность и удобство взаимодействия с патентными ведомствами.

В ЕАПВ в качестве системы электронной подачи евразийских заявок и электронного обмена используется система ЕАПВ-ОНЛАЙН³. Система обеспечивает полный цикл электронного взаимодействия на всех этапах рассмотрения заявок и поддержания патентов: электронную подачу заявок на евразийские патенты, оплату пошлин и сборов, обмен документами и контроль статуса патентных процедур.

Основными функциями системы являются:

- подача документов и материалов по евразийской заявке в электронном виде;
- подача дополнительных материалов по всем типам заявок;
- расчет и уплата пошлин за процедурные действия;
- подача заявления о поддержании патента в силе и продлении срока его действия;
- подача документов и материалов по действующим патентам;
- формирование и ведение электронного досье дел заявок и патентов;
- отслеживание статуса и этапов рассмотрения заявок.

Документы, отправленные в электронной форме посредством системы ЕАПВ-ОНЛАЙН, подписываются электронной подписью. Принимаются и признаются сертификаты ключей проверки электронных подписей, выданные Удостоверяющим центром ЕАПВ. Функционирование системы регулируется соответствующими нормативно-правовыми документами⁴.

Система электронной подачи заявок и электронного обмена Роспатента обеспечивает регистрацию заявок и дополнительных документов и материалов в режиме 24/7. Основными функциями системы являются:

- подача заявки в электронном виде, подписанной квалифицированной электронной подписью;
- получение уведомления о поступлении заявки в ФИПС;

³ Сайт ЕАПВ: URL: <https://www.eapo.org/informational-resources/spravochnye-materialy/sistema-elektronnoj-podachi-eapv-onlajn/> (дата обращения: 29.07.2026).

⁴ Там же.

- ведение переписки с ФИПС в электронном виде;
- загрузка из XML-файла неограниченного количества заявок на объекты ИС для последующей подачи в электронном виде⁵.

Дальнейшим направлением совершенствования и развития ИТ в области электронной подачи материалов на объекты ИС и электронного обмена является использование технологии блокчейн [8]. Данная технология обеспечивает надежную и прозрачную регистрацию прав на объекты интеллектуальных прав, что позволяет минимизировать риски мошенничества и несанкционированного использования РИД. Современные специализированные цифровые платформы, использующие блокчейн, автоматизируют процессы подачи заявок на изобретения, регистрации, делопроизводства и лицензирования, что упрощает управление правами на объекты ИС. Доказательство (фиксация) авторства с использованием ИТ блокчейн осуществляется следующим образом. Объект ИС загружается с использованием одной из имеющихся цифровых платформ (международной или российской), например, с помощью Bitcoin или специализированной цепочки типа WIPO Proof, в публичный блокчейн. Далее эти системы записывают его в блок с временной меткой, что обеспечивает доказательство существования объекта ИС в определенное время.

ИТ автоматизации патентно-информационной и производственно-хозяйственной деятельности

Данный класс инструментов позволяет автоматизировать бизнес-процессы менеджмента ИС, обрабатывать и анализировать информацию БД ЦИФИС, выявляя тенденции и направления развития науки, техники и технологии, которые могут помочь в принятии важных стратегических и тактических решений.

⁵ Сайт Роспатента: URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/sourses/regional-brands/apply-regbrands> (дата обращения: 29.07.2026).

Например, с помощью методов машинного обучения и алгоритмов обработки естественного языка (NLP), встраиваемых в системы автоматизации делопроизводства, анализа и экспертизы заявок на объекты ИС, можно уже на стадии их формальной экспертизы идентифицировать потенциальные нарушения прав на интеллектуальную собственность и оценивать новизну изобретений.

Методы и инструменты анализа и исследования больших данных ЦИФИС о патентах и научных публикациях позволяют прогнозировать направления развития техники и технологий и выявить области с высоким потенциалом для инвестиций.

Помимо этого, анализ информации о патентах, зарегистрированных фирмами-конкурентами, позволяет компаниям оценивать свои позиции на рынке и выявлять возможности для инноваций. Это также способствует более эффективному управлению информационными активами, позволяя в т.ч. определить, какие из них требуют дополнительной защиты, а какие могут быть лицензированы или коммерциализированы.

Методы и системы ИИ играют все более важную роль в анализе и управлении ИС. Современные нейросети используются не только при построении экспертных систем, облегчающих процесс принятия экспертами решений относительно патентоспособности объектов ИС, но и для автоматизации процессов патентного поиска, анализа конкурентной среды и оценки стоимости нематериальных активов [9].

Это позволяет компаниям более эффективно управлять своими активами и принимать обоснованные решения на основе данных. Так, в ЕАПО для информационной поддержки принимаемых экспертами решений реализована процедура и технология, базирующаяся, во-первых, на построении распределенных по запросам пользователей тематических БД, и, во-вторых, на использовании методов сетевой экспертизы, рассматриваемых как инструмент принятия согласованных решений экспертами по конкретному изобретению. Применение данной процедуры и технологии позволяет повысить

эффективность и качество экспертных заключений и сократить время рассмотрения заявок.

Для мониторинга и защиты прав патентообладателей используются ИТ и системы, позволяющие эффективно отслеживать использование объектов ИС, выявлять нарушения и осуществлять защиту прав в режиме реального времени. Они позволяют владельцам прав (патентообладателям, авторам) эффективно управлять своими нематериальными активами, минимизировать риски нарушения прав.

Так, система PatSnap (<https://www.patsnap.com>) позволяет отслеживать новые патенты по областям техники, а также изменения в правовом статусе существующих патентов, выявлять потенциальные нарушения прав интеллектуальной собственности. Система Markify (<https://www.markify.com>) обеспечивает поиск и мониторинг сведений о товарных знаках. Система уведомляет пользователей о схожих с уже зарегистрированными товарными знаками, что позволяет оперативно реагировать на потенциальные угрозы и защищать права. Автоматизированная информационная система Copyright Clearance Center (<https://www.copyright.com>) обеспечивает управление авторскими правами и мониторинг использования объектов авторского права, автоматизацию процесса лицензирования.

Таким образом, использование больших данных ЦИФИС и аналитики в области интеллектуальной собственности не только повышает эффективность управления активами, но и способствует более глубокому пониманию рынка и инновационных процессов, что в конечном итоге приводит к более обоснованным и стратегически выверенным решениям.

ИТ цифровой экосистемы ИС. Требования и модель построения

Важной составляющей общей цифровой платформы системы управления ИС является экосистема ИС, под которой понимается сеть взаимосвязанных ИТ и сервисов, совместное согласованное функционирование которых обеспечивает эффективное использование

субъектами ИС патентно-информационных ресурсов и сервисов при получении, регистрации, охране и использовании РИД [3; 10].

Экосистема ИС предназначена для интеграции территориально распределенных патентно-информационных ресурсов, сервисов, информационных продуктов и услуг субъектов ИС в единую структурированную цифровую среду, управление доступом к данным ЦИФИС. Это обуславливает построение экосистемы на основе сервисной бизнес-модели «Объект ИС (РИД) как сервис», обеспечивающей эффективное удовлетворение потребностей субъектов ИС на всех этапах жизненного цикла продукта/услуги. Цифровая платформа экосистемы ИС обеспечивает эффективное совместное использование нематериальных активов, информационных продуктов и услуг. Это помогает исследователям и патентообладателям обмениваться знаниями и ресурсами, что способствует инновациям и ускоряет процесс коммерциализации РИД.

Экосистема ИС выполняет следующие основные функции:

- коммуникационную между субъектами системы управления ИС при получении РИД, выдаче охранных документов;
- информационную для поддержки принимаемых экспертами решений, а также решения научно-технических, нормативно-справочных и др. рода задач;
- трансферную для передачи (внедрения) РИД и создаваемых на их основе объектов ИС в экономику, коммерциализации РИД.

Общим критерием эффективности создания цифровой экосистемы ИС является степень удовлетворения потребностей пользователей предоставляемыми экосистемой информационными продуктами и услугами.

Заключение

Цифровизация экономики оказывает значительное влияние на управление интеллектуальной собственностью, трансформируя

традиционные подходы и создавая новые возможности для эффективного менеджмента нематериальными активами.

В работе проведен комплексный анализ требований, предъявляемых к современным ИТ и системам, цифровым инструментам и сквозным технологиям в сфере ИС, на основании которых предложены направления и пути их совершенствования и развития. Приведено описание ключевых ИТ и систем в сфере ИС. Отмечено, что в условиях стремительного развития новых информационных технологий, таких как блокчейн, искусственный интеллект и обработка больших данных, система менеджмента интеллектуальной собственности становится более прозрачной, доступной, эффективной и безопасной.

Рассмотрены методы и инструментальные средства формирования и оптимизации цифрового информационного фонда ИС и БД патентной и научно-технической информации, ИТ и поисковые патентно-информационные системы, системы автоматизации патентно-информационной и производственно-хозяйственной деятельности.

Показано, что использование цифровых платформ электронной подачи заявок на объекты ИС и электронного обмена информацией упрощает взаимодействие между заявителями и патентными организациями, сокращая время и затраты на оформление документов.

Отмечено, что важным аспектом развития ИТ и систем является также развитие платформ для совместного использования интеллектуальной собственности. Цифровые технологии позволяют создавать экосистемы, обеспечивающие эффективный обмен информацией и знаниями, что способствует инновациям и ускоряет процесс коммерциализации РИД.

Таким образом, использование современных ИТ и систем в сфере ИС позволяет повысить эффективность и качество управления интеллектуальной собственностью, обеспечить трансформацию традиционных систем управления ИС и построение электронного цифрового органа управления ИС.

Список источников

1. Неретин О.П. Интеллектуальный суверенитет экономики России / О.П. Неретин. – Москва: ФИПС, 2022. – 232 с.
2. Кульба В.В. Концептуальные основы цифровизации системы управления интеллектуальной собственностью / В.В. Кульба, В.О. Сиротюк // Вестник ФИПС. – 2023. – Т. 2, №1(3). – С. 32–35.
3. Неретин О.П. Оптимизация структур данных цифровых информационных фондов систем управления интеллектуальной собственностью / О.П. Неретин, В.В. Кульба, В.О. Сиротюк. – Москва: ФИПС, 2023. – 260 с.
4. Алехин А.П. Управление интеллектуальной собственностью / А.П. Алехин, Е.В. Покаместов. – Москва: Юрайт, 2022. – 255 с.
5. Кульба В.В. Формализованная методология цифровой трансформации систем управления интеллектуальной собственностью: Материалы научно-практической конференции / В.В. Кульба, В.О. Сиротюк. – Москва: РУТ (МИИТ), 2023. – С. 212–222.
6. Фаязов Х.Ф., Сиротюк В.О., Овчинников А.В., Бурцев А.Б. Евразийская патентно-информационная система. – Москва: ИНИЦ «Патент», 2006. – 108 с.
7. Фаязов Х.Ф., Сиротюк В.О., Овчинников А.В., Бурцев А.Б. Использование Евразийской патентно-информационной системы (ЕАПАТИС) при проведении патентных поисков. – Москва: ИНИЦ «ПАТЕНТ», 2009. – 92 с.
8. Генкин А.С. Блокчейн: как это работает и что ждет нас завтра / А. Генкин, А. Михеев; [ред. А. Петров]. – Москва: Альпина Паблишер, 2018. – 587 с.
9. Эпштейн М.С. Применение искусственного интеллекта в патентном поиске и анализе: обзор современных возможностей и перспектив / М.С. Эпштейн // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2022. – № 5. – С. 25–34.
10. Сиротюк В.О. Особенности построения эффективной цифровой экосистемы интеллектуальной собственности / В.О. Сиротюк. – Москва: Вестник ФИПС. – 2025. – № 1(11). – С. 48–53.

References

1. Neretin O.P. *Intellectual'nyy suverenitet ekonomiki Rossii = Intellectual Sovereignty of the Russian Economy*. Moscow. FIPS Publ. 2022. 232 p.

2. Kul'ba V.V., Sirotiyuk V.O. Conceptual Foundations of Digitalization of the Intellectual Property Management System. *Vestnik FIPS = Bulletin of FIPS*. 2023. T. 2, No. 1(3). P. 32–35.

3. Neretin O.P., Kul'ba V.V., Sirotiyuk V.O. *Optimizatsiya struktur dannykh tsifrovyykh informatsionnykh fondov sistem upravleniya intellektual'noy sobstvennost'yu = Optimization of Data Structures in Digital Information Funds of Intellectual Property Management Systems*. – Moscow. FIPS Publ. 2023. 260 p.

4. Alekhin A.P., Pokamestov Ye.V. *Upravleniye intellektual'noy sobstvennost'yu = Management of Intellectual Property*. Moscow. Yurayt Publ. 2022. 255 p.

5. Kul'ba V.V., Sirotiyuk V.O. *Formalizovannaya metodologiya tsifrovoy transformatsii sistem upravleniya intellektual'noy sobstvennost'yu = Formalized Methodology for the Digital Transformation of Intellectual Property Management Systems: Proceedings of the Scientific and Practical Conference*. Moscow. RUT (MIIT) Publ. 2023. P. 212–222.

6. Fayazov Kh.F., Sirotiyuk V.O., Ovchinnikov A.V., Burtsev A.B. *Yevraziyskaya patentno-informatsionnaya sistema = Eurasian Patent Information System*. Moscow. INITS Patent Publ. 2006. 108 p.

7. Fayazov Kh.F., Sirotiyuk V.O., Ovchinnikov A.V., Burtsev A.B. *Ispol'zovaniye Yevraziyskoy patentno-informatsionnoy sistemy (YEAPATIS) pri provedenii patentnykh poiskov = Using the Eurasian Patent Information System (EAPATIS) in conducting patent searches*. Moscow: INITS PATENT Publ. 2009. 92 p.

8. Genkin A., Mikheyev A. *Blokcheyn: kak eto rabotayet i chto zhdot nas zavtra = How It Works and What Awaits Us Tomorrow* [ed. by A. Petrov]. Moscow. Al'pina Publisher Publ. 2018. 587 p.

9. Epshteyn M.S. *Primeneniye iskusstvennogo intellekta v patentnom poiske i analize: obzor sovremennykh vozmozhnostey i perspektiv. Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost' = Intellectual Property. Industrial Property*. 2022. No. 5. P. 25–34.

10. Sirotiyuk V.O. Features of Building an Effective Digital Ecosystem for Intellectual Property. *Vestnik FIPS = Bulletin FIPS*. 2025. No. 1(11). P. 48–53.

Статья поступила 31.07.2026, принята к публикации: 09.09.2026.

© Сиротюк В.О., 2026

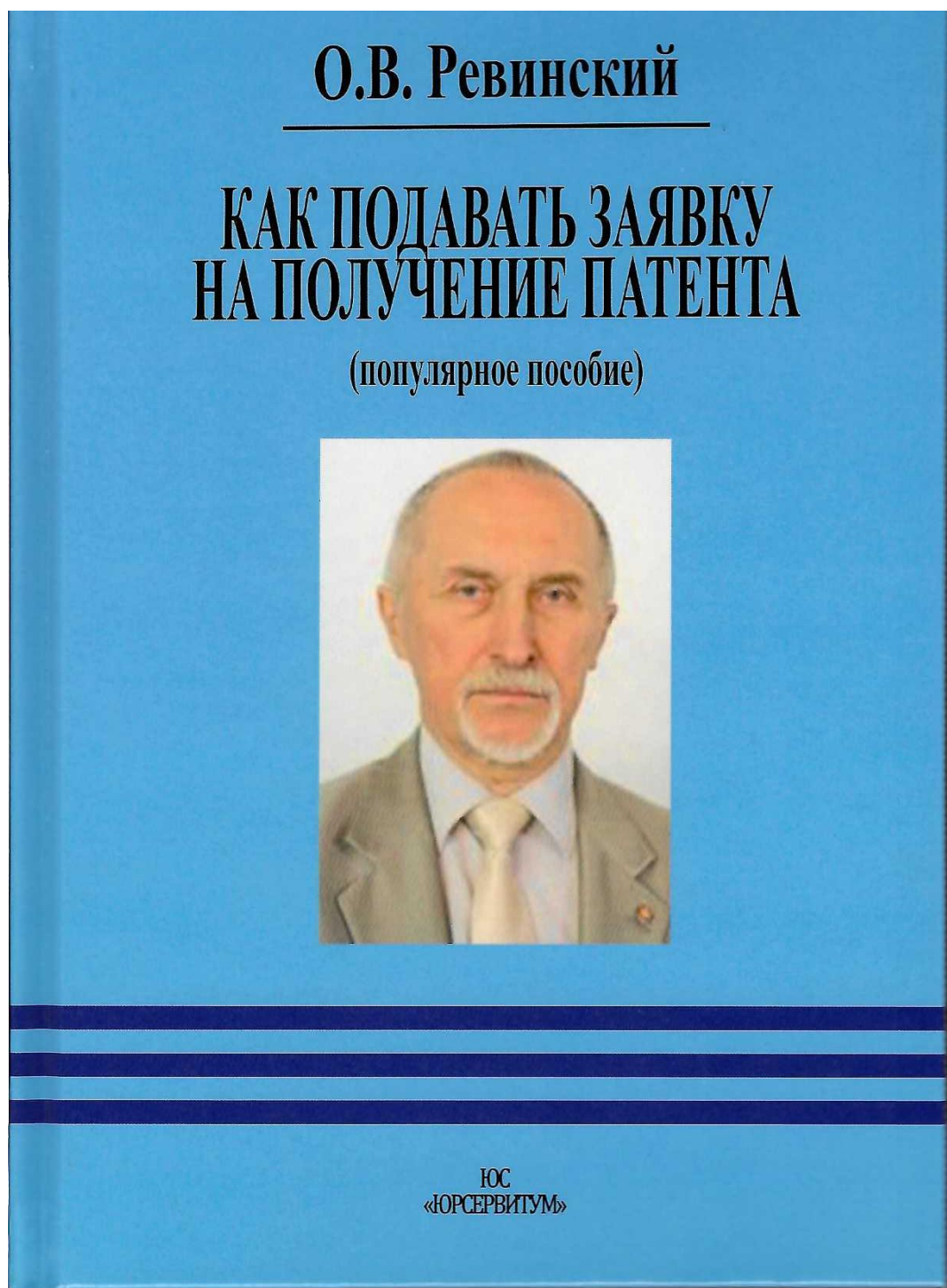
КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ.

DOI: [https://doi.org/ 10.68333/2949-284X.2026.87.80.009](https://doi.org/10.68333/2949-284X.2026.87.80.009)

**Рецензия на книгу О.В. Ревинского
«Как подать заявку на получение патента»**

Владимир Евгеньевич Китайский,
Российская государственная академия интеллектуальной
собственности, Москва, Россия
Кандидат технических наук, профессор
kve41@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7740-2882>

Пособие Ревинского Олега Витальевича *«Как подать заявку на получение патента (популярное пособие)»* М.: Изд-во «Юрсервитум», 2026 г., 486 с. предназначено для студентов Российской государственной академии интеллектуальной собственности всех форм обучения, но может быть также использовано учащимися других вузов. В книге рассматриваются вопросы, связанные с процедурами и особенностями подачи заявок на получение патентов. Пособие основано в том числе и на личном опыте автора, который длительное время работал патентным экспертом, и его богатый практический опыт отражён в этом издании, основанном на его предыдущих учебниках.

**Рецензия на книгу О.В. Ревинского
«Как подать заявку на получение патента»**

Данное издание книги Олега Витальевича Ревинского «Как подавать заявку на получение патента (популярное пособие)» подготовлено автором в связи с постоянными запросами его слушателей на курсах, читаемых им в

Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС), поскольку тираж первого издания (2019 года) давно разошёлся полностью.

Во втором издании автор, помимо отдельных дополнений и уточнений, существенно переработал Главу 12 о проведении патентного поиска. Как и в первом издании, эта глава проиллюстрирована скриншотами, что позволяет читателю научиться самостоятельно проводить патентный поиск в базах данных различных ведомств.

Всё, что было сказано в рецензии на первое издание, остаётся справедливым и для второго издания: та же структура книги, тот же живой язык, те же примеры и та же сводная таблица использованных понятий.

Новое пособие окажется полезным и для обучающихся в РГАИС, и для всех лиц, заинтересованных в получении знаний в праве промышленной собственности.

Поэтому, рекомендую второе издание книги О.В. Ревинского «Как подавать заявку на получение патента (популярное пособие)» к публикации.

Рецензент:

Китайский Владимир Евгеньевич,
профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, академик РАЕН, кандидат технических наук, доцент кафедры Патентного права и правовой охраны средств индивидуализации РГАИС.
